

Денис
Драгунский

ДОЧЬ любимой женщины

Если ты уверен в себе – влюбись,
и поймешь, что сильно ошибался.

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА ШУБИНОЙ

Проза Дениса Драгунского

Денис Драгунский

Дочь любимой женщины (сборник)

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Драгунский Д. В.

Дочь любимой женщины (сборник) / Д. В. Драгунский —
«Издательство АСТ», 2019 — (Проза Дениса Драгунского)

ISBN 978-5-17-119052-1

Мастер короткой прозы Денис Драгунский в своем новом сборнике снова преподносит читателю новеллы с крутыми сюжетами и внезапными развязками, меткие юмористические зарисовки, а также три маленькие повести, в которых действуют неожиданные герои в непростых обстоятельствах.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-119052-1

© Драгунский Д. В., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Зимняя сказка	5
Все силы неба и земли	9
Честный стукач	12
Белая лошадь	17
Скрипка и немножко нервно	21
Барабанные палочки	22
Белорусский вокзал	24
Пропитка и сверка	26
«Победа»	27
Основной инстинкт	28
Удар	29
Аптека за углом	31
Красная линия	34
Мысль	36
Каллиопа и гайдлайны	37
Париж, Лувр	41
Двадцать шесть семьдесят	42
Лес	45
Лузерка	47
бочонок, кажется, амонтильядо	49
Деньги. Жестокий роман	53
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Денис Драгунский

Дочь любимой женщины

Зимняя сказка не люби, богатый, бедную

Мальчик Ваня жил на четвертом этаже, и на пятом тоже – у них была двухэтажная квартира в огромном новом доме из гранита, мрамора и хрусталя, в переулке недалеко от Белорусского вокзала, на месте старой фабрики.

Но совсем рядом была старая панельная многоэтажка, и вот в ней-то как раз и жила девочка Настя. В однокомнатной квартире на первом этаже, что несколько облегчало жизнь ее мамы, потому что девочка не могла ходить. У девочки была какая-то редчайшая болезнь. Синдром Какусаки-Тукисуки, или вроде этого. Так девочка объясняла мальчику, смеясь. Потому что в ее положении ей ничего, кроме смеха, не оставалось. Сами смотрите: папы нет и никогда не было, у мамы грошовая зарплата и крохотная пенсия на ребенка-инвалида. Мама приходила с работы, кормила дочь, а потом выволакивала ее на коляске погулять и оставляла во дворе на часок-другой.

Девочка была совсем некрасивая. У нее была плохо зашитая заячья губа, редкие крупные зубы, большие косо стоящие глаза. Прикрытые одеялом тонкие-претонкие ноги с навечно распухшими коленками. Зато руки, несмотря на ее четырнадцать лет, были большие и сильные, с широкими ладонями и намозоленными пальцами, потому что она сама вертела колеса своей коляски. Она была похожа на лягушку.

Мальчик влюбился в нее сразу. Дело было зимой. Он случайно проходил мимо детской площадки рядом с этой панельной многоэтажкой и увидел, как она одна катается в своей коляске вокруг заснеженной песочницы. Он целый час ходил рядом и смотрел в ее широко и косо расставленные серые глаза.

Вечером рассказал про нее своей маме. Какая она милая, бедная, несчастная, но веселая и умная, и вообще потрясающая. Мама сказала: «Завтра отнеси ей что-нибудь вкусное» – и сама собрала корзинку фруктов, растроганно думая, какая добрая душа у ее мальчика.

Хотя на самом деле надо было тем же вечером увозить сына в другую страну и там отдавать в кадетское училище или духовную семинарию, потому что с каждым днем он все сильнее привязывался к этой инвалидке. И вообще ни с кем не водился, кроме нее. Вот ему уже пятнадцать лет исполнилось, потом шестнадцать – а он, придя из школы, тут же бежал к ней, вытаскивал ее гулять, и они о чем-то долго разговаривали. Это было уже похоже на легкое безумие.

Потом Настина мама умерла, а папы не было вовсе, и Ваня попросил свою маму нанять для Насти помощницу.

* * *

– Ну и какие у тебя планы? – однажды спросила Ванина мама, у которой уже лопалось терпение на все это смотреть.

– Обыкновенные, – сказал Ваня. – Нам исполнится восемнадцать, и мы поженимся. Только, мама, она почему-то не хочет. Может быть, стесняется? Ты с ней поговори, ладно?

– Но нельзя же насильно! – обрадовалась мама. – Я, конечно, попробую, но ей решать, она самостоятельный человек, личность! Вдруг она тебя на самом деле не любит?

– Ну и что? – Ваня пожал плечами. – Я-то ее все равно люблю. А если она не захочет, буду ее дальше уговаривать. Не сразу, так через год, пять, десять она все-таки меня полюбит.

– Она не сможет быть твоей женой, – сказала мама.

– А почему?

– Она больна.

– Я знаю.

– Нет! – жестко сказала мама. – Ты не все знаешь. Я говорила с врачами.

– Кто тебя просил? – закричал Ваня.

– Но ты же мой сын! – крикнула она в ответ. – Я же не против! Женись хоть на лягушке, мы с папой вас обеспечим, и детей ваших, и внуков. Но я должна знать. Я все узнала. У нее глубокий инфантилизм половых органов, – чеканила мама. – У нее матка и влагалище как у годовалого ребенка. Прости меня, что я так вслух. Она не сможет не только рожать, она не сможет быть твоей женой в самом простом смысле, понял?

– Ерунда, – сказал мальчик. – Обойдемся. Я ее люблю, и все. А потом она может выздороветь. Вдруг, понимаешь? Чудом, понимаешь?

Мама внимательно посмотрела на Ваню и улыбнулась.

Ваня растерянно взглянул на нее, на ее лицо, неожиданно ставшее сказочно добрым, ласковым и чуточку беспечным. Хотя полминуты назад она была вся красная, злая и озабоченная.

– Кто знает, – прошептала она, взяв сына за руки. – Я тоже верю в чудеса. Вдруг ты ее однажды поцелуешь, как Иван Царевич свою Царевну-лягушку, и она превратится в волшебную красавицу.

– Перестань! – сказал он, выдернул руки и чуть не заплакал. Но потом спросил: – Точно?

– Вдруг... – легко вздохнула мама.

* * *

Насте исполнилось восемнадцать. Был праздник в маленькой квартире в панельной многоэтажке. Настя, Ваня, Ванина мама и Настина помощница-сиделка Клавдия Петровна. Торт со свечками и немного сухого вина.

Это была суббота.

В воскресенье Ваня, как всегда, пошел к Насте. Отпер дверь своим ключом. Вошел. Настя лежала в кровати. Она лежала на спине, укрывшись до подбородка, и спала. Ваня приблизился к ней. Она была совсем бледная и как будто неживая. Ему стало страшно. Он присмотрелся к ее груди. Было заметно, что она дышит. Он стал у изголовья на колени и шепотом позвал: «Настя!» Она не отозвалась. Тогда он нагнулся и первый раз в жизни прикоснулся губами к ее губам.

Настя открыла глаза, выпростала руки из-под одеяла, и обняла его, и поцеловала, и вдруг спрыгнула с кровати и прижалась к нему. Она была стройная, длинноногая и прекрасная. Здоровая и сильная. Только маленький, едва заметный шрам от заячьей губы и чуть крупноватые зубы.

Они поженились.

Ванины родители купили им большую квартиру неподалеку. Ваня и Настя поступили в институт и окончили его. Потом Настя родила мальчика, а через полтора года – второго. Все шло отлично, кроме одного печального случая: Ванин папа скоропостижно скончался на горнолыжном курорте при не совсем ясных обстоятельствах. Ваня унаследовал четверть его немалого состояния.

* * *

Да, все шло отлично, но однажды, когда после свадьбы прошло уже двенадцать лет, тридцатилетний Ваня пришел с работы домой и увидел плачущую Настю.

– Что с тобой? – он усадил ее на диван, обнял.

– Мама умерла...

– Что?! – он вскочил с места.

– Да нет, моя.

– Твоя? – изумился Ваня и снова сел. – Она же умерла лет пятнадцать назад! Мы же к ней на могилу ходим!

– Перестань! Хватит притворяться. Мама нашлась. Вернее, я ее нашла. Но не успела повидать. Я ее не осуждаю. Она была слабая женщина. Пила, болела. Я не решалась. Мне страшно было ее увидеть. Сегодня набралась сил, позвонила. Соседи сказали, что всё, умерла.

Она снова заплакала.

– Кто-то из нас с ума сошел, – сказал Ваня.

– Не притворяйся! – крикнула она. – Что, правда не понимаешь? Так вот тебе! Я детдомовская. Ничейная. Отказная в смысле. Твоя мама Аглая Павловна меня нашла. Вернее, выбрала. Долго выбирала, наверное. Чтоб вот такая. С бывшей заячьей губой, но глазастьенькая. Она меня долго готовила. Сначала уговаривала. Потом документы мне меняла. Потом все объясняла, как меня зовут, что и как, про квартиру и двор, про твои любимые книжки...

– А потом заменила? – спросил Ваня. – Прямо вот в эту ночь?

– Да. В половине пятого утра.

– Как интересно, – Ваня вытащил из кармана телефон, набрал номер. – Мама, привет, это я. Ничего, нормально. У меня к тебе один маленький вопрос. Вот скажи, в эту самую ночь, когда мы праздновали Насе восемнадцать лет... Вы ей потом сделали укол, погрузили на машину, и тю-тю?

В телефоне было молчание.

– Какое тю-тю, ты что? – возмутилась Настя, которая сидела рядом с ним на диване. – Аглая Павловна мне все объяснила! Что она была согласна! Что ей дадут деньги, переведут в самый лучший частный интернат... Пожизненное содержание! Она же сама не хотела за тебя замуж, ты же сам это своей матери говорил!

– Ясно, – кивнул Ваня и нажал отбой, кинул телефон на диван.

Через несколько секунд телефон зазвонил.

– Алло? – сказал Ваня. – Не звоните мне больше, мадам.

Телефон зазвонил снова.

– Маменька, сколько раз повторять, – сказал он даже с некоторой учтивостью. – Не звоните мне больше. Забудьте про меня. Выкиньте из головы. И ты, – он повернулся к Насе, – тоже выкинь меня из головы. Хорошо, что дети на каникулах. Передай им, что папы у них больше нет.

– Дети-то в чем виноваты? – зарыдала Настя.

– Ни в чем, – пожал плечами Ваня. – И ты ни в чем не виновата. Но я не могу тебя видеть. Хотя ты, конечно, должна была сознаться. Почему ты не созналась?

– Твоя мама сказала, что ты сумасшедший. Не сильно, слегка, но реально тронутый. Что ты на полном серьезе веришь в чудеса и сказки. Что уродка-инвалидка от любви превращается в красивую девушку.

– Тем более, – сказал Ваня и встал, подобрал с дивана телефон. – Насчет денег я сделаю все нужные распоряжения, с тобой свяжутся, прощай.

– Ты и есть сумасшедший! – крикнула она ему вслед.

* * *

Он разыскал ту, настоящую Настю через полгода.

Это был и вправду дорогой частный интернат, под Ростовом Великим. У нее был там отдельный двухкомнатный блок, личная нянечка и муж – почти слепой безногий художник, когда-то довольно известный: его совсем старую картину «Поэт, певец и клоун» недавно продали в Лондоне за полтора миллиона фунтов. Ване это рассказал директор интерната.

Ваня обрадовался, что с Настей все в порядке, но понял, что ожидал чего-то другого. Ехал, чтобы броситься в ножки, вымолить прощение, а потом забрать к себе. А так – и встречаться, собственно говоря, незачем.

Была зима. Настоящая, морозная, снежная.

Дорога шла прямо, упираясь в золотой круг садящегося солнца. Обледенелая колея сверкала зеркалом. Снег розовел на ветвях громадных елей.

В жизни не было ничего. Вообще ничего, кроме этой зимы, этого снега, этого темнеющего неба, этого колкого ветра.

Все силы неба и земли стена, девушка, река

Женатый мужчина сорока пяти лет влюбился в двадцатидвухлетнюю девушку. Влюбился искренне и нежно, безмолвно и безнадежно, и, разумеется, тайно.

Это вышло вот как.

Павел Михайлович со своей женой Ниной Викторовной приехал на экскурсию в старинный маленький город не так уж близко от Москвы. Крепостная стена на холме. Внизу речка, узкая и по берегам сильно заросшая кустами. Церковь XVI века. Торговые ряды. Каланча. Всё как везде. Но зато – картинная галерея с неплохой русской и европейской живописью, которую один знаменитый богач еще в позапрошлом веке подарил родному городу; а современный богач, тоже из местных, отдал туда свою коллекцию первоклассных работ Вильямса, Самохвалова, Пименова и Фалька. А также Гончаровой, Ларионова и других.

Из-за этой галереи сюда и приезжали интеллигентные экскурсанты из столицы.

* * *

Экскурсию вела девушка.

Павел Михайлович увидел ее и погиб.

Хотя в ней, на первый взгляд, не было никакой особой красоты – ни в лице, ни в поведении. Как говорится – гладкая, ровная, вот и спасибо. Но была в ней чудесная провинциальная свежесть, чистота и ясность. Павлу Михайловичу казалось, что она только что искупалась в этой узкой реке, в ледяной воде, а в ее глазах отражаются синее небо, белая крепостная стена и зеленая трава на склоне холма.

Но при этом она вовсе не была наивной и простенькой. Она бойко и складно вела экскурсию, называла имена и даты, говорила «обратите внимание на необычный колорит» или «вариант этой картины есть в Русском музее, но наш – лучше».

Она окончила городское педучилище и курсы экскурсоводов в Костроме. Это она сказала Павлу Михайловичу, когда он ее благодарил за экскурсию и чуть-чуть поговорил с ней. «В Москве была всего три раза и совсем по недолго, хотя, конечно, надо съездить хотя бы на месяц, обойти Третьяковку и все остальное. Но непонятно, где жить». У него сердце заколотилось от такого шанса, он едва не воскликнул: «Да живите у меня!» Но тут же вспомнил, что у него есть жена Нина Викторовна, которая на минутку отошла в туалет. Поэтому Павел Михайлович только спросил:

– А как вас зовут?

– Редкое имя, – сказала она. – В смысле, несовременное. Чего это мама так придумала, не знаю.

– Евдоксия? – пошутил Павел Михайлович. – Или Индустрия? Вы знаете, так называли девочек в тридцатые. У меня была двоюродная тетя Дуся. Оказалось, Индустрия.

– Еще смешнее, – сказала девушка. – Нина.

«Да уж, – подумал Николай Михайлович. – Обхохочешься».

Тем более что Нина Викторовна показалась в дальнем конце анфилады.

– Ну, удачи! – сказал он. – Прекрасная галерея, отличная экскурсия!

– Спасибо! – сказала она, повернулась и ушла.

* * *

С тех пор жизнь Павла Михайловича превратилась в невероятный райский ад. Или адский рай, если вам так больше нравится.

Он думал о ней все время, не переставая, и даже ночью она ему снилась. Когда он утром выходил на кухню варить кофе, ему казалось, что она стоит рядом и едва прикасается к нему бедром сквозь домашние брючки. Да, она гораздо моложе его, она даже на год моложе его дочери, которая уже вышла замуж и уехала жить к мужу. То есть она ему в дочки годится – ну и что? Полно таких случаев! И он мечтал, как она к нему приедет, как она разложит свои вещи, как наденет халатик и пробежит мимо него в душ. Как они будут гулять по Москве, как он ей покажет лучшие московские улицы, столичный *grandeur* – например, если оглядеться кругом, стоя на углу Столешникова и Петровки, или от устья Мясницкой смотреть вниз, или с Каменного моста на Дом Пашкова. Как она будет ахать и держать его под руку. Он воображал, как они обедают и ужинают – и дома, и в ресторане. Как он приводит ее в гости к своим друзьям. Как они ходят в магазин, покупать ей наряды, украшения и духи. Как ложатся в постель... и вот тут он сам себе говорил «стоп».

Но, конечно же, он держал это в секрете от своей жены и только с особой нежностью произносил ее имя. *Нина, Ниночка, Нинуля моя золотая, бесценная, прекрасная.*

Он внутренне поклялся, что никогда ничем не оскорбит свою жену, не даст ей ни малейшего повода подозревать его в неверности, и поэтому окружал ее заботой и вниманием. С каждым месяцем и годом все сильнее, плотнее и прочнее. Выполнял малейшие ее желания и даже капризы. Научился зарабатывать хорошие деньги, чтоб ни в чем ей не отказывать. Был счастлив служить ей.

* * *

Прошло двадцать лет.

Ему исполнилось шестьдесят пять. Нина Викторовна была всего на год моложе него. А той далекой, извините за выражение, «девушке его мечты» – ей было уже сорок два. Павел Михайлович метался в своих фантазиях: иногда трезво думал, что у нее давно есть дети и, наверное, внуки намечаются. Но гораздо чаще он воображал, что она до сих пор одна. Ждет, когда он ее позовет. Что она тоже в него тайно и бесповоротно влюбилась во время той мимолетной встречи и тоже мечтает о нем.

Итак, прошло уже двадцать лет, и однажды в четверг вечером Нина Викторовна попросила Павла Михайловича присесть на диван. Сама села в кресло напротив.

– Павлик, – сказала она. – Наташа звонила. Они с Аликом выплатили ипотеку. А их Колька поступил в Вышку. На бюджет.

– Насчет Кольки знаю, – сказал он. – Они молодцы. А что ипотека уже всё, это вообще прекрасно. Вздыхнут свободно наконец-то.

– Павлик, – сказала Нина Викторовна. – Ты меня любишь?

– Очень! – сказал он и встал с дивана, чтобы ее обнять и поцеловать.

– погоди, – она подняла руку. – Ты все сделаешь, что я скажу?

– Я всегда делаю все, что ты скажешь!

– Принеси из кухни табурет.

Он принес.

– Заберись на него. Потом спрыгни.

Он повиновался.

– Еще раз. А теперь влезь и стой на одной ноге.

Он прикусил губу, чуть покраснел, но справился с собой.

– Только чтобы тебе было хорошо, – улыбнулся он и мечтательно добавил: – *Нинуля моя золотая, бесценная, прекрасная.*

– Bravo! – закричала Нина Викторовна. – Верю! Верю тебе, *Павлуша мой золотой, бесценный, прекрасный!* А ну, слезай!

Он прыгнул на пол, встал около шкафа.

– Иди собирай чемодан. Мы разводимся. Только слов не говори. Я все сама объясню. Ты хороший. Добрый. Покладистый. Сговорчивый. Со всем всегда согласный. Заботливый. Каменная стена. Золотое гнездышко. Исполнение всех желаний, от пиццы до Ниццы... Ты мне надоел, понимаешь? Я двадцать лет живу как в бункере. Без воздуха! Без вкуса и запаха! У тебя есть квартира твоей мамы. Уезжай туда. А хочешь, оставайся здесь, я туда уеду.

– Там жильцы, она сдана... – слабо возразил Павел Михайлович.

– Выкинешь к черту! – прорычала Нина Викторовна. – Заплатишь неустойку и выгонишь.

* * *

Через три месяца он приехал в этот городок. Пришел в музей.

Она вела экскурсию, говорила про колорит и даты жизни. И что версия этой картины есть в Русском музее. Она почти не изменилась, только повзрослела на двадцать лет. Провинциальная свежесть сменилась зрелой красотой. Да, если в юности она была просто ровненькая-гладенькая, то сейчас, похудев и будто бы чуточку посмуглев, она стала по-настоящему красивой.

Павел Михайлович смотрел на нее, а она иногда скользила по нему глазами и, конечно же, не узнавала.

Вот экскурсия закончилась. Экскурсанты пошли к выходу. Он подошел к ней.

– Здравствуйте, Нина!

– Добрый день.

– Вы меня, конечно, не помните, – сказал он.

– Простите, нет, – она улыбалась доброжелательно и равнодушно.

– Сейчас... – он перевел дыхание.

Полушепотом он рассказал ей, как влюбился в нее двадцать лет назад. Как мечтал о ней, о жизни с нею рядом, с нею вместе. Как заклинал все силы неба и земли сохранить ее для себя. Чтобы она его дождалась. И вот наконец он свободен и на коленях просит...

Она его перебила.

– Заклинал, значит, силы неба и земли? – яростно зашептала она. – Ах ты подлец! Вот, значит, из-за кого я замуж не смогла выйти. Вот из-за кого я двадцать лет одна прокуковала. Вот из-за кого, – она сглотнула рыдание, – у меня опухоль, с подозрением... Проклятый! Проклятый! Проклятый!

– Ниночка, – он схватил ее за руку. – Ниночка, мы вылечимся... Я тебя вылечу... Лучшие врачи, лучшие клиники... Клянусь...

– Уйди! – она выдернула руку. – Уйди, черт! Ты черт! Сгинь!

Отшагнула назад, перекрестила его, перекрестилась сама и убежала в другую дверь.

Только и слышно было, как скрипит старый паркет.

Он вышел наружу.

Перешел улицу.

Дошел по мощеной дорожке до вершины холма, где крепость. Зубчатую стену покрасили свежей известкой. А вот речушка заросла совсем. Как ни ломай глаза, не разглядишь воды за камышом и кустами.

Надо было ехать домой и жить дальше.

Но как?

Честный стукач не обмани меня, дружок

Был у меня знакомый стукач, человек честный и порядочный. Вот как это выяснилось. Про него говорили, и вроде бы даже основательно, что он стучит. Причем не просто постукивает по зову души и в странных надеждах на какие-то блага или послабления от начальства, а на постоянной основе. Можно сказать, профессионально. То есть на самом деле он даже не стукач, а агент. Но доказательств у меня не было никаких (разумеется, не об агентской карточке речь! а о том, чтоб я лично, по своим наблюдениям, понял: он заложил вот этого человека).

Поэтому я, внутренне гордясь собой, думал так: «Вот все говорят, что он агент. С агентом-стукачом я бы, конечно, не стал дружить. Но он приятный, умный человек, а у меня нет доказательств. И я не желаю идти на поводу у слухов и сплетен. Вот какой я весь из себя ни от кого не зависимый!»

Этот парень был старше лет на пять или шесть, умный, знающий, веселый и добрый, с кучей друзей-знакомых. В факультетской иерархии он стоял гораздо выше меня – я второкурсник, а он аспирант третьего года. Но мы дружили. Он со мной подружился, возможно, сначала из маленькой корысти: мои родители с сестрой часто уезжали на дачу и оставляли меня одного в огромной квартире. Он туда ко мне водил девчонок. Но потом я дело так поставил: ты мой друг, но у меня не караван-сарай. Короче говоря, Платон мне друг, но свой интерес чуточку дороже: приводи девчонку непременно с подругой, а иначе извини, я очень занят, сам понимаешь – май на дворе, курсовая горит!

Вот какой я был тогда строгий и жесткий. Но ему, смешно сказать, это понравилось, и мы после этого как следует сдружились, общались не только по девчонкам, но и просто так. Чай пили у него дома, гуляли, болтали – он очень умный и знающий был человек, я много из этих разговоров почерпнул.

Вот.

А потом я познакомился с одной чудесной компанией. Творческая молодежь. Поэты, художники, кинооператоры. Разумеется, диссиденты (хотя это слово тогда было не очень в ходу). Но читали и перепечатывали самиздат, спорили о путях будущей России, все такое. Они мне очень нравились.

И вот я сказал им: «Давайте я к вам приведу одного своего друга. Аспирант, умница, знает языки». «Конечно, давай».

Я ему говорю:

– Давай пойдем в гости к одним ребятам?

– А кто они? – спрашивает.

Я ему все рассказал.

– Ага, – говорит он. – Да, милые ребята, понятно. Но они, наверное, все время ведут разные, так сказать, *ревизионистские разговорчики*? А? Ведут или не ведут? Отвечай.

– Ведут, – говорю. – Конечно, ведут, еще как.

– Тогда не надо, – вздохнул он. – Хорошие ведь ребята, талантливые, ты сам сказал, и я тебе верю. Ну их!

И вот тут я понял, что он на самом деле агент-профессионал. Но просто не хочет лишней мороки. Или даже, представьте себе, не хочет закладывать моих приятелей. Потому что если бы он туда пришел, то был бы обязан отчитаться. А так – нет и нет. То есть он поступил честно и порядочно, как будто по стукаческому кодексу чести. Вдруг такой есть, и там сказано: «На друга товарища твоего без специального задания не стучи». Смешно.

Поняв это, я потихоньку стал с ним расставаться. Тем более что он меня вдруг сильно подвел по части девчонок, и я на него рассердился. А может быть, он нарочно это сделал, поняв, что я про него все понял? Устроил лажу специально, чтоб я с ним поссорился? Не знаю точно.

С тех пор мы виделись буквально три раза. Два раза замечали друг друга издали и опускали глаза, отворачивались, а в третий – вдруг столкнулись нос к носу в театральном фойе.

Он протянул мне руку, и я крепко ее пожал.

* * *

Вот такой рассказ.

Кажется, что это просто «случай из жизни» – но на самом деле это настоящая новелла. С завязкой, характерами героев, накатом событий, легким повествовательным уходом в одну как бы боковую линию (девчонки), в другую (компания творческой молодежи), потом с возвратом сюжета к отношениям героев – здесь кульминация и прозрение – и, наконец, развязка через первую боковую линию (ссора по поводу девчонок и расставание) – и, как положено, финал-пуант (неожиданное рукопожатие). То есть новелла по всем правилам. Полторы странички.

Но вдруг я подумал, что этот текст можно легко и даже интересно расписать на подробности.

* * *

Описать этого человека, его внешность, манеры и дом, его квартиру, книжные полки, старенькую пишущую машинку на дедушкином еще письменном столе, абажур над обеденным столом, старый диван, обитый вытертым гобеленом, – такой мещанско-интеллигентский стандарт. Тесную прихожую, куда выходила встретить меня его пожилая мама, всегда в фартуке, всегда вытирающая кухонным полотенцем мокрые, красные от готовки руки... Ах, какие штампы – и абажур, и старый диван, и особенно мама, которая выходит из кухни, где что-то кипит, шипит и пахнет.

* * *

Подробно рассказать, почему его подозревали, что он агент. Каковы были, так сказать, аргументы и факты. Его недруги обращали внимание, что он несколько раз ездил за границу. Раза три или четыре, слишком часто для аспиранта в советские-то времена. Сопровождал то факультетское начальство, то делегацию на конгресс литературоведов. То ли как переводчик, то ли как перспективный молодой специалист, или как кто? Сам он говорил об этом нехотя и вскользь, а при расспросах ловко уклонялся от сути дела.

* * *

Рассказать о себе тогдашнем. Описать свою квартиру. Свою комнату, родительскую спальню и отцовский кабинет. Точнее, кабинет-гостиную. Картины, столы на тонких ножках. Все клетчатое, серо-бело-синее, этакое современное. Рассказать о еженедельных отъездах родителей на дачу вместе с маленькой сестренкой, о беспокойном чувстве вольности, которое меня захлестывало и искало выхода.

* * *

Наконец, описать все, связанное с девчонками. Как он ко мне подкатился, чтобы попользоваться пустой квартирой. А может, это я сам его зазвал? Да, конечно, я сам – если честно рассказывать. Мне он издавека нравился: большой, веселый, вальяжный. Важный, но доступный. В коридоре или на лестнице, где курят, вокруг него всегда собиралась компания. Девушки ему заглядывали в глаза, а он поглаживал их по плечикам и шутил – очень откровенно и приманчиво, но не переходя грань приличия. Видно было, что девушки его обожают. Поэтому я как-то исхитрился, чтобы этак ненавязчиво его позвать к себе. А потом я стал думать, что это он все так наладил, чтоб я сам его пригласил.

* * *

Написать, как он первый раз пришел ко мне с девушкой – с *боевой подругой*, как он выразился. А я сидел в папином кабинете, он же гостиная, готовился к семинару, слышал скрип кровати в своей комнате (я их запустил туда, не в родительскую же спальню!) и страшно злился-бесился. Тем более что сначала мы все вместе сидели на кухне и пили чай с печеньем – очень хорошая, кстати, была девчонка. Такая вроде ничего особенного, но на самом деле ой-ой-ой. Даже завидно. А потом они ушли, а часа через полтора вышли, и он очень вежливо и ласково спросил: «А нельзя ли еще чайничек поставить?» Вот тут я совсем взбеленился, но виду не подал, но на следующий раз поставил условие – чтоб девчонка была с подругой. «И насчет подруги смотри не обмани, чтобы подруга была точно такая же *боевая*, как твоя собственная, то есть надежная на двести процентов. А то, сам понимаешь, мама с папой могут внезапно позвонить, что выезжают с дачи и будут через час».

Можно написать весь наш с ним диалог, когда он безо всякого спора согласился. То есть это был даже не диалог – я перечислял свои требования, а он улыбался и кивал, а потом сказал: «Вот ты какой строгий и жесткий, оказывается... Но это даже хорошо! Ты мне все сильнее нравишься!»

* * *

Рассказать, как мы бродили по Москве. Он невозможно много знал. И сплетни про всех наших преподавателей, и неприличные английские лимерики, и подробности жизни известных писателей, и про французских сюрреалистов, и про Стокгольм, как в самом центре старого города кварталы называются именами древнеримских богов: Юнона, Аполлон, Меркурий и так далее. Так прямо на стене написано: «*Kvarter Apollo*». Почему? А черт его знает. «А ты как попал в Стокгольм?» «Чисто туристически!» – смеялся он и говорил: «Да, кстати!» – и объяснял мне, что ни в коем случае нельзя связываться с Наташенькой Н., которой я был весьма сильно увлечен. Она была такая загадочная, резкая и неприступная. А я ее очень любил. Он наблюдал за моими страданиями, и вот вдруг сказал: «Не связывайся». – «Почему?» – «Потому что она сумасшедшая». – «В каком смысле?» – «В обыкновенном. В клиническом. Гляди, как у нее глазки-то сияют. Верный признак». А она как раз из-за этого мне особенно нравилась. «Ерунда! – возмутился я. – И вообще, какая разница?» «Ты с ней все равно расстанешься», – сказал он. – Слово даю. В смысле, она тебя бросит. Потом ты встретишь нормальную девушку и женишься. И вот тут-то она начнет к тебе, так сказать, *возвращаться*. Будет звонить днем и ночью. А потом вломится в квартиру, ляжет на пол посреди комнаты, будет дрыгать ногами и орать. Будет кричать твоей жене: “Отдай его мне!” Тебе это надо?» «Откуда знаешь?» –

изумлялся я. «Ты, главное, вопросов не задавай, – смеялся он. – Ты, главное, слушай старшего товарища». Кстати говоря, он прав оказался: все так и случилось. Слава богу, не со мной. Спасибо старшему товарищу.

Как-то мы гуляли по Измайловскому парку – он жил неподалеку.

Он всегда ходил со старой тростью. Он был высокий и крупный, хотя не толстый и тем более не накачанный, я видел его голым до пояса, никаких бицепсов и трицепсов. Просто весь такой громоздкий. Мы шли по узкой пустой аллейке, темнело, и вдруг впереди показалась какая-то опасная стайка юной шпаны. Те самые ребята, которые начинают разговор с «дай закурить», а потом могут отнять деньги или набить морду – просто так. «А хули тебе надо? А ты по нашему парку не гуляй». Однако мой товарищ шепнул мне: «Быстро возьми меня под руку, и вперед!» Я взял его под руку, а он вдруг слегка закинул голову, состроил на лице слабоумную маску, приоткрыл рот, чуть ли не слюну пустил, и чуть закатил глаза, и попер прямо на них, прихрамывая и судорожно опираясь на свою трость. Шпана расступилась, и кто-то даже кивнул мне и сочувственно цыкнул языком. Потому что всем ясно было, что я вывел на прогулку больного родственника. Полоумного дядю. «Вот, брат, учись!» – ухмыляясь, сказал он, когда опасности уже не было.

Я был в восторге от такой ловкости. Но потом мне стало неприятно: а вдруг он со всеми так, и со мной тоже?

* * *

Еще надо будет рассказать про эту самую компанию творческой молодежи. Про замусоренную неизвестно чью квартиру, с грязными полами, надувными матрасами вместо кроватей, с бутылками по углам. Описать этих ребят, поэтов и кинооператоров, их разговоры, ссоры, вечные пьянки, внезапные несильные драки, их красивых и легких девушек...

Тоже штампы, между прочим – все эти мило захламленные дома, матрасы на полу, недопитые бутылки, где в остатках красного вина плавает пропихнутая пробка, и всегдашняя пачка бледной машинописи на столе, рядом с переполненной пепельницей и зачерствевшим бутербродом. Штампы, да – но это же всё на самом деле так было и так выглядело! Впрочем, что такое штамп, как не самая безусловная реальность?

Кстати говоря, вот этот «старший товарищ», опытный и циничный, который учит уму-разуму, помогает юному студенту с девчонками, а сам при этом очень себе на уме, – это ведь тоже штамп. Вот глядите, буквально в следующем рассказе – очень похожий персонаж.

Ну ладно.

И наконец – как он резко отказался идти в гости к этим ребятам. Хотя я его приманивал в том числе и девушками из их компании. Девушек было много, они были вольного божьего нрава и ценили умный разговор и знание книг, фильмов и иностранных языков – а он-то, аспирант университета, мог этим очаровать кого угодно, и он был крупнейший, патентованный, легендарный ходок и донжуан, и, казалось бы, вперед! Но он спокойно, но твердо, со странной усмешкой отказался. Да еще прибавил про *ревизионистские разговорчики*. Вот тут у меня в голове сложилась вся мозаика. Без дела болтавшиеся квадратики и кружочки со щелчками встали на свои места.

И он понял, что я все понял.

Мы расстались после того, как он будто бы нарочно, как будто бы назло стал нарушать прежние договоренности касательно «чая вчетвером». Два раза меня сильно подвел, а на третий раз я сказал ему: «Извини, я очень занят. Да, и на той неделе тоже!» Он перестал мне звонить, и я ему тоже. Мы сначала кивали друг другу в коридоре, а потом он окончил аспирантуру и куда-то делся.

* * *

Ну и финал. Написать, как через много лет, услышав много верных подтверждений агентско-стукаческой версии, я увидел его в театре. Старого благообразного профессора, с надменной посадкой головы, в хорошем, когда-то дорогом, но сильно не новом костюме, с той самой тростью. Как я сначала кивнул ему издали, а потом, когда он двинулся ко мне, не стал отворачиваться, а шагнул навстречу и крепко пожал ему руку.

* * *

То есть может получиться рассказ классического формата, на десять, а то и на все пятнадцать страниц. Или даже, что называется, «маленькая повесть». На лист примерно. А то и на полтора-два.

Но вот вопрос – а надо ли?

Можно, но не обязательно. А значит, нет.

Белая лошадь

рассказ моего приятеля

В 1994 году я был в Вашингтоне и там на одной экспертной тусовке встретил какого-то нашего регионального демократа, который только что, прямо этим утром, прилетел из России. Не помню, как его звали. Но помню, что я ему представился уже по тогдашней привычке – *Denis Dragunsky*. С ударением на «е» в имени. Потому что я сразу не понял, кто он такой и откуда – ну, подходит какой-то мистер в костюме. В ответ он назвал свое имя. Допустим, Иван Сидоров. Я спросил уже по-русски: «Вы из России»? – «Да, да!» Я, естественно, продолжал говорить с ним уже по-русски. Что слышно в Москве, где он тут поселился и какая тема его доклада. Но, наверное, от долгого перелета у него в голове все перемешалось, и он спросил меня: «Вы специалист по России?» «Да, конечно», – ответил я. Чистая правда, кстати. «Как же прекрасно вы говорите по-русски! – он даже руками всплеснул. – Совсем без акцента!» «*It's no wonder*, – кивнул я. – Я довольно долго жил в России. Целых сорок четыре года. Я и родился там, честно говоря!» – и мы с ним оба стали хохотать.

Не так давно я вспомнил эту смешную историю и рассказал ее своему приятелю. Он тоже посмеялся, а потом сказал:

– У меня сто лет назад что-то похожее было. Не совсем, но все-таки. Очень забавный случай.

* * *

«Мне в молодости не везло на девчонок, – начал он. – То есть нет, девушки у меня были, некоторые даже очень меня любили, но – не те! Не те, в которых я влюблялся, не те, которые мне снились, не те, на которых я оглядывался на улице. Как-то так вышло, что ко мне льнули такие маленькие, черненькие, умненькие... Ну, ты понимаешь. А я, как Тонио Крегер у Томаса Манна, тосковал по *“тем, голубоглазым”*. Светловолосым, красивым. Не какой-то там, простите за выражение, глубокой внутренней душевной красотой, а вот так, попросту. Когда всем ясно с первого взгляда – вот красивая девушка. Да. *“Самая глубокая, тайная моя любовь отдана белокурым и голубоглазым, живым, счастливым, дарящим радость, обыкновенным”*. Цитата, если что. Извини.

Однажды я поделился этой томас-манновской тоской со своим старшим товарищем, был у меня такой. Старше на четыре года. Друг по даче. С раннего детства, мне восемь, ему двенадцать, но он меня не презирает! А я это ценю. Мы и в городе встречались, что вообще-то редко бывает среди дачных знакомых, но вот, однако. А когда я совсем подросток, уже был в десятом, а потом в институте, мы и вовсе сдружились.

Вот он мне и сказал: «Господи! Ну что ж ты молчал все время! Устроим в два счета!» Я сразу остерегся: «Мне проституток не надо, чтоб ты, значит, договорился, а она чтобы изображала!» Он говорит: «Ты что? Да как ты мог подумать! Сработаем на чистой искренности! Давай с тобой сочиним одну такую интересную штучку...»

Не знаю, почему он меня обхаживал. Наверное, ему что-то надо было от моего отца. Или его семье от моей семьи. Мой папа, ты помнишь, был типичный советский «руководитель широкого профиля». Замминистра забыл какой промышленности, потом директор большого издательства, даже пару лет секретарь московского обкома партии... А к тому времени получил назначение в МИД. Может быть, этому моему другу с детства велели со мной дружить. Может, ему родители внушали, что *«необходимо культивировать это знакомство»*. Лев Толстой, «Юность». Что-то я цитатами говорю сегодня. Значит, слегка волнуюсь... А может, зря

я все это, может, он просто был сначала добрый мальчик, а потом хороший парень, зачем во всем искать корысть?

Но не в том дело.

А дело в том, что папа как раз съездил за границу и привез мне целую сумку разного шмотья, что было удивительно, поскольку раньше он меня держал на строгом партийно-советском пайке, и сказать при нем слово “джинсы” было хуже, чем рассказать анекдот про Брежнева: сразу в глаз. Но что-то в нем, видать, хрустнуло и растаяло после МИДовского назначения. Короче, тут тебе и джинсы, и курточка, и рубашечки разные, и ботинки бежевые плетеные, и чего только нет... Был семьдесят пятый примерно год, напоминаю.

Вот мой старший друг и говорит: “*Do you speak English?*” Я отвечаю, по анекдоту: “*Yes, I do*, а хули толку?”

– Толк в том, что мы тебя оденем таким американским студентом по обмену, и вот тут тебя и полюбят белокурые и голубоглазые девушки.

– Фу! – говорю.

– Да не фу, а исполнение желаний! И вообще это же шутка, розыгрыш, ты в любой момент можешь признаться! Но мой тебе совет: признавайся не в любой момент, а после. Понял меня? После! А пока говори по-английски, но кратко. Типа “*Yes, of course, I live in Houston, Texas, I study Russian history, but don't speak Russian well*”. И все. Все остальное *good, nice, fantastic* и типа того.

– И всё?

– Нет, не всё. Приходи ко мне вечером. Только не болтай, ясно?

Прихожу. Он достал из глубин книжного шкафа какую-то брошюру, в газету завернута. Сел на диван. “Садись рядом. Но поклянись, что не проболтаешься”. Я киваю, а у самого пол под ногами едет. Ну, думаю, вербовка пошла. Но куда, зачем? Непонятно, а все равно страшно. “Клянешься?” – “Клянусь”. Тут он придвигается поближе, раскрывает эту брошюру, а там – роскошная порнуха. И говорит: “Смотри внимательно и учись. А то американец-американец, а в койке будешь как простой советский человек. Залез, засунул, потыкал, кончил – и на боковую. Не годится. Смотри картинки – какой бывает настоящий западный секс в смысле разных изысканных нежностей. Чтобы поцелуйства и облизоны во все места. Долго и пристально. Понял? Никуда не торопись! И главное, все время говори, шепчи, бормочи: *sweetie, honey, oh I love you, darling* и все прочее. Полистай словарь. Шучу. Хотя нет. Говорю вполне серьезно”.

Вот такая подготовка.

Мне даже интересно стало. Азарт какой-то.

Через пару дней он мне звонит: вечером идем. Я для этого дела у отца в баре спер бутылку виски “Белая лошадь”. Теперь-то мы знаем, что это барахло и ширпотреб, а тогда это был самый супер, потому что другого ничего не было. “Белая лошадь” в пластиковом пакете какого-то заграничного магазина. И еще он мне дал зажигалку “Зиппо” и пачку сигарет “Лаки Страйк”. Обхохочешься.

Не буду рассказывать подробности. Все было, как он сказал. Три девушки. Одна его, две как бы просто так. Обе на меня запали. Танцы по очереди. Можно выбирать. Девушки хорошие. Красивые. В точности по Томасу Манну. Живые, счастливые, дарящие радость, но очень уж обыкновенные. Но ты же этого хотел, Жорж Данден! Тебе же надоели факультетские умницы! Ты же хотел *белокурых и голубоглазых*! На, наслаждайся! Выбирай и наслаждайся! Американец, ё...

Под утро просыпаюсь непонятно почему. Глаз открыл: она приподнялась на локте и на меня смотрит. Видит, что я проснулся, и шепчет на корявом английском:

– *You go to America to home?*

– *Yes*, – говорю.

Она переворачивается на спину и плачет.

Я сразу *“darling, honey, sweetie, what can I do for you?”*. Обнимаю. Она меня тихонько отодвигает. А потом говорит в потолок:

– Если бы ты был русский, я бы любила тебя всю жизнь.

Повернулась ко мне, и:

– *Good bye!*

Вскочила, красивая, как не знаю кто. Быстро оделась, нагнулась ко мне и поцеловала напоследок вот этим самым, бунинским поцелуем. Который запоминается до могилы. И выскочила из комнаты. Я через минуту услышал, как входная дверь хлопнула.

Вот такой смешной случай. Забавно, правда?»

* * *

– И ты ее не остановил? – спросил я. – Не сказал, что ты ее любишь? Не признался, что это была шутка?

– Она бы жутко обиделась, она бы меня сразу разлюбила.

– Хорошо. Сказал бы, что остаешься в Москве. Ради нее.

– Ненатурально!

– Ну, извини, – сказал я.

Он помолчал и сказал:

– Все время боялся ее на улице случайно встретить. Даже первые полгода носил темные очки, смешно, да?

– Ничего, – сказал я. – *«Велика Москва, и много в ней народу»*. Тоже цитата, если что. Знаешь, откуда?

– Нет, – он, видно, думал о своем.

– Ну и ладно, – сказал я.

– Иногда думаю, – сказал он, – что с ней потом сделалось?

– Да ничего особенного, – сказал я. – Два раза побывала замужем. Сейчас в разводе. Двое детей, от каждого мужа по одному. Внучка от старшего сына. Уже на пенсии. Окончила какой-то юридический вуз, работала по специальности. Звезд с неба не хватала. Но была на хорошем счету.

– А ты откуда знаешь?

– Я на ней чуть не женился, – сказал я. – Очень красивая была девушка.

– А почему ты думаешь, – он прямо задохнулся, – что это была она?

– Ровно по той же причине, по которой я на ней не женился.

– Что за шарады?! – возмутился он.

– Включите логику, Ватсон, – я тоже почему-то разозлился. – Совсем я собрался на ней жениться, как вдруг она, неизвестно почему, ну просто так, в порыве доверия и откровенности... Так иногда бывает, после всего. Лежишь в темноте, смотришь в потолок, и вдруг хочется рассказать что-то совсем уж не подходящее к моменту. В общем, она рассказала мне, как на четвертом курсе без памяти влюбилась в одного американского студента-стажера. Всего на один вечер. Потом он уехал. Какой он был ласковый и нежный, никогда таких не встречала. Сказала вот эту самую фразу: «Если бы он был русский, я бы с ним ни за что не рассталась». И что на прощание утащила колпачок от бутылки «Белой лошади». Сделала себе типа брошки и носила года три. Ну сам скажи, на что мне такая жена?

– Ты все врешь, – сказал он, налившись краской.

– Да и потом, – продолжал я, не слыша его возмущения. – Ну хорошо, грехи молодости забыты. Допустим, мы с ней поженились... Но вот гляди. Мы с тобой лет через сколько-то познакомимся и начали дружить, так? И вот ты меня зовешь в гости, как положено, с супругой – и вы узнаете друг друга! Это же скандал!

Он замолчал, перевел дух и спросил:

– Вы же давно расстались, да? Очень давно! А откуда ты знаешь, что с ней теперь?

– Иногда заглядываю к ней в Фейсбук. У нее там, кстати, та самая белая лошадь на аватаре.

– Как ее зовут? Понимаешь, я даже не спросил ее фамилию. Я не знаю ее фамилию!

– И не надо, – сказал я.

– Скажи!

– Не скажу.

– Тогда скажи, что ты все это выдумал. Выдумал, признавайся!

– Не скажу, – повторил я.

Скрипка и немножко нервно как сердцу высказать себя?

Один человек, которого молодым человеком могла назвать разве что продавщица или официантка – то есть человек лет сорока или чуть больше, – шел по переходу метро, со станции на станцию, и вдруг услышал скрипку.

Он сразу понял, что это играет настоящая скрипка, то есть без усилителя и бум-бокса. Сильный скрипичный голос заполнял весь мраморный коридор. Он подошел поближе. Девушка играла Сен-Санса, знаменитую мелодию под названием «Интродукция и рондо каприччиозо». Он остановился. Он не разбирался в музыке, но почувствовал, что она играет хорошо. Она закончила, чуть передохнула и стала играть что-то еще, тоже классическое и популярное. Он вытащил пятьдесят рублей и положил ей в раскрытый футляр, туда, где уже лежали монетки – никелевые пятерки и медные десятки, и какие-то бумажки.

Но через три дня он там оказался снова. Она играла сначала что-то незнакомое, а потом – полонез Огинского. Он вспомнил, как эту мелодию тихонько напевала его бабушка-полька, после 1939 года прожившая в Сибири двадцать лет, – и слезы закапали у него из глаз. Не стесняясь этого, он подошел, положил в футляр все те же пятьдесят рублей, благодарно посмотрел ей в глаза и быстро ушел.

С тех пор он часто, наверное, специально приходил ее слушать. Сообразил ее расписание – между веселым молодым джазом и баянистом, игравшим «Славянку» и «Амурские волны», а также «Не кочегары мы, не плотники».

Она его заметила. Она мельком рассматривала его: приятный, даже красивый, очень хорошо одетый, уверенно держащийся, с тонким и нервным лицом.

А он рассматривал ее. Тридцати лет, стройная, с красивыми руками, с густыми волосами, которые она так артистично откидывала со лба.

Наконец, он заговорил с ней. Когда она застегивала футляр своей скрипки, освобождая место баянисту, он подошел к ней и сказал:

– Я, наверное, слишком дерзок. Но я буду говорить прямо. У вас сейчас свободен вечер?

Она сказала:

– Да.

Он сказал:

– Тогда пойдемте ко мне. Домой. Все будет хорошо... – Взял ее за руку и тихо добавил: – Верьте мне.

Они вышли наружу. Там их ждала машина.

Они ехали молча. Каждый думал о своем. Машина остановилась около большого красивого дома в тенистом переулке.

Он подал ей руку. Они вышли, зашли в подъезд, потом в лифт, потом в квартиру – и она, как во сне, увидела большую комнату, красивых мужчин и женщин и много детей. На столе горели свечи.

– Сегодня день рождения моей жены, – сказал он. – И дочери тоже. Они родились в один день. Сыграйте нам Сен-Санса!

Она посмотрела ему в глаза и отчетливо и громко сказала:

– А пошел ты на хер, козел вонючий!

Стукнула его футляром со скрипкой по голове и убежала.

Все завизжали, заголосили, повскакали со стульев. Но он жестом успокоил их.

Он не стал ловить ее и подавать заявление в полицию, хотя голова болела очень сильно.

А она перестала играть на скрипке в метро.

Барабанные палочки из жизни технического персонала

Джереми Диксон был знаменитый артист, звезда Голливуда, огромные гонорары, два «Оскара», призы в Венеции, в Каннах, в Берлине. Рослый смуглый синеглазый красавец. Как раньше на театре говорили, первый любовник. Ну вот он такие роли и играл – рокового мужчину, умницу, светского льва, но с тайной историей: двойной агент, разорившийся банкир, опозоренный политик и все такое. Красота, обаяние и загадка. В него тысячи женщин были влюблены, письма ему писали, три покончили с собой, а многие в любовном бреде считали, что родили от него ребенка, и даже приходили в разные ток-шоу, а то и к адвокатам.

Но у Джереми Диксона был серьезный недостаток – пальцы. Старые врачи называли такие пальцы барабанными палочками. Это когда передние суставы сильно раздутые, короткие и круглые, и ногти очень короткие и загнуты книзу такими толстыми уголками. Старые врачи считали, что это признак врожденной слабости легких. Теперь так не считают, и легкие у него были в порядке, но дело не в этом.

Дело в том, что крупным планом такие руки снимать нельзя. И на среднем тоже лучше не выставлять вперед. Поэтому у Джереми Диксона был дублер – Майк Рафферти, осветитель.

Например, Диксон целует и обнимает какую-нибудь красавицу средним планом, а потом на ее спине и талии – а если фильм легкомысленный, то и на попе, на груди и животе – руки Майка Рафферти. Красивые, крупные, сильные. Так что Майк обнимал самых ошеломительных кинозвезд – и Сэнди Докси, и Лизу Вульф, и Марию Райнер – и прижимался к ним довольно крепко, но совсем ненадолго. С ним подписали договор, что он никому не скажет. Хотя это видели на площадке человек восемь самое маленькое. Смешно. Но ладно. Деньги платили, и слава богу. Майк даже ездил с Джереми в Италию, когда тот играл у Франко Браччолини в сериале «Смерть титанов».

Вот один раз у них снималась Николь Барух. Третий фильм, кажется. Они уже с Майком несколько раз обнимались и вообще были знакомы. Какая-то предпостельная сцена. Режиссер кричит:

– Джереми, в сторону. Майк, сюда! Так. Руку ей на лицо положи, – поглядел в камеру. – Так. Большим пальцем гладь ее по губам. Мотор! Снято. Нет! Еще раз. Большим пальцем гладишь ее по губам, а она чуточку губы раскрывает. А ты, – это он уже актрисе, – а ты чуточку губы раскрываешь, ясно? Мотор! Так. Снято!.. Нет! Еще раз. Не просто раскрываешь губы, а легонько ловишь губами его палец...

– Может, зубами чуточку прикусить? – спрашивает Николь.

– Ну, попробуй... Начали. Мотор! Так...

И вот тут Майк чувствует, что она не просто прикусывает его палец, а незаметно лижет его языком. Режиссер кричит:

– Снято! Майк! А теперь ложись сзади, руку ей на грудь. Сжимай, ласкай! Мотор! Еще разок. Мотор! Снято.

Тут Николь Барух, невероятная звезда, шепчет простому осветителю Майку Рафферти:

– Подожди меня у машины. Парковка у второго выезда. «Мазерати», желтая.

Приехали к ней.

Вошли в спальню. Уже темно. Она зажгла свет, и он видит – на всех стенах фотографии из фильмов, где он ее обнимает. То есть его руки. На спине, на талии, на груди, на шее.

– А у меня дома жена и двое детей, – говорит Майк.

– Ну и правильно, – отвечает Николь. – Я же не в смысле за тебя замуж, и даже не в смысле потрахаться, не надейся.

– А в каком смысле?

– Просто чтобы ты знал. Это тебе моя тайная награда. Давай выпьем чуточку. И вот возьми два галстука. Моего бывшего мужа. Практически новые.

Потом он вышел из ее дома, прошел полсотни шагов и совсем без сил присел на каменный бордюр около клумбы.

Было лето, цветы цвели, но совсем не пахли, даже странно. Он специально втянул воздух носом, но никакого толку. Как ненастоящие. Он их потрогал. Все-таки настоящие. Но не пахнут, вот черт.

Часа через два кто-то шел мимо, остановился, надел очки и посмотрел на него.

Это был Джереми Диксон.

– Ты что здесь делаешь? – спросил он у Майка.

– А ты?

– Я ее убил, – сказал Джереми.

– А я нет, – сказал Майк. – Я ее просто слегка отлупил галстуком и облил шампанским. Она такая смешная! Она хорошая, зачем ты ее?

– Ты добрый, – сказал Джереми. – А я злой.

– Ты тоже добрый, – сказал Майк. – Только вдруг сорвался. Это бывает. Жаль, что так вышло. Тебе надо бежать. Давай вместе убежим? Ты мне давно нравишься.

– Ты пидор?

– Иди ты! – засмеялся Майк. – Нравишься как артист, понял?

– Ты мне тоже нравишься, – сказал Джереми. – Как профи. Куда бежать? У тебя семья, а меня сразу опознают, даже если я сделаю пластику. По рукам.

Он протянул руки к лицу Майка и пошевелил своими некрасивыми пальцами, «барабанными палочками».

– Она сказала, что никогда не даст мужику с такими руками, даже за «Оскар», даже за сто миллионов, – сказал Джереми. – Она сказала, что ее от меня тошнит. Съёмки не в счет, это работа. А в реале тошнит.

– У женщин так бывает. Вожжа под хвост. Но ты не бойся, ты беги, никто тебя не опознает, у тебя же в кино мои руки! – засмеялся Майк.

– Да все всё знают, ты что, дурак? – вздохнул Джереми.

Он достал телефон и вызвал полицию.

Потом сел рядом, и они стали ждать.

Белорусский вокзал воспоминание

Однажды в меня влюбилась красивая женщина.

С первого взгляда.

А я ее обманул.

Дело было в 1989 году примерно. Нет, не примерно, а точно! Потому что в 1988 году в магазинах еще все было. Ну, не все, а многое. Сыр был, по крайней мере. Даже в скромном ассортименте. «Пошехонский», «Российский», даже иногда «Советский» (наш тогдашний пармезан), а в 1989 году вдруг все исчезло.

Она торговала в молочном магазине. Была такая «стекляшка» (то ли магазинчик, то ли павильончик) на задах дома номер 64 по улице Горького. Последний дом перед Тверской заставой, то есть площадью Белорусского вокзала. Сейчас номер у этого дома другой, потому что улицу Горького не только переименовали, но и разделили на две части, а сзади давно нет никакой «стекляшки», а стоят новые дома.

В этот магазинчик я почему-то зашел за сыром. Сыра, конечно, не было. Был творог в белых пластиковых колбасках, по 55 копеек, и еще кефир-молоко. Я стоял и рассматривал прилавки и то, что за прилавком, хотя там не было ничего, кроме стеклянной таблички с изречением Сервантеса про вежливость. Тогда это висело во многих торговых точках. Я не уходил, потому что нутром чуял: сыр есть. Есть здесь сыр! Я просто ждал, пока все уйдут и я останусь с продавщицей наедине.

Она была красивая, чуть полноватая натуральная блондинка, в тонких золотых очках с минусовыми стеклами. На руках много золотых колец: на правой одно ажурное, другое с лиловым камешком, третье как бы мужское, с плоской печаткой, а на левой руке с красным камешком и тонкое с бриллиантом рядом с толстым обручальным – но, граждане, на левой руке. Ей было не больше сорока пяти, а мне – тридцать восемь.

Когда, запихнув свои покупки в кошелки, ушла последняя тетка, я прошелся по пустому павильону, покосился в широкое окно на зеленые башенки и петушки Белорусского вокзала, потом подошел к прилавку и, заглянув в глаза продавщицы, спросил вполголоса:

– Сыр есть?

– Приезжий, что ли? – почему-то спросила она в ответ.

– Ну! – сказал я. – У нас там, – и я повел плечом в сторону вокзала, – сыр уж забыли, как он вообще на вкус.

– В Белоруссии-то? – усомнилась она.

– Всё в Москву гонят, – сказал я.

– Жизнь! – вздохнула она. – А как вообще-то жизнь?

– В смысле? – не понял я.

– Ну так, – вдруг засмущалась она. – Я просто так, вообще спросила. Не хочешь, не говори. Женатый?

– Как видишь, – вздохнул я и показал кольцо на правой руке. – Разная жизнь, сама понимаешь... – я тоже перешел на «ты».

– Это бывает! Это у всех так! – засмеялась она и полупшепотом спросила: – «Российский» будешь?

– А то! – сказал я.

– Сколько возьмешь? Могу восемьсот грамм, не больше.

– Давай! – обрадовался я.

Она взвесила мне сыр, завернула в серую, с древесными прожилками бумагу, положила на прилавок и спросила:

– Надолго приехал, приезжий?

– А что? – спросил я, кладя на пластмассовую тарелку два рубля тридцать копеек, без сдачи.

– Ну что, что... – сказала она, смущенно улыбаясь. – А вот, например, что ты сегодня вечером делаешь?

Я положил сыр в портфель и горестно ответил:

– Поезд у меня в семь пятнадцать... В Гродно.

– Ну и езжай, – сказала она, и голос ее дрогнул. – Езжай, угощай свою жену московским сыром!

– Обиделась? – спросил я. – Возьми назад!

Я решительно вытащил из портфеля брусок сыра и бросил его на прилавок.

– Раз так, не надо! – сказал я. – Деньги отдать не забудь!

– Ну что ты, что ты, что ты! – она выскочила из-за прилавка, силком раскрыла мне портфель и запихнула туда сыр. – А ты еще приедешь?

– Конечно, – сказал я. – Я же в командировки езжу, раз в полгода, а то и чаще.

– Зайдешь? – спросила она, улыбнувшись.

– Конечно! – сказал я. – Обязательно! А как же!

* * *

Лет пять я старался не ходить мимо этого места. Но потом все-таки решил зайти к ней. Там был забор, за забором стройка, и всё.

Пропитка и сверка искусство семейных отношений

Эту историю когда-то давно рассказал мне мой отец.

Есть такая радиодеталь, называется «конденсатор», и в процессе его изготовления есть такой технологический этап, называется «пропитка».

У моего отца был один дальний родственник, занимавший серьезный пост в одном из промышленных министерств. Так вот. Примерно раз в месяц он объявлял своей семье – жене, теще и восьмилетней дочери, – что он уезжает на пропитку конденсаторов.

Он объяснял, что пропитка конденсаторов – это важнейший и опаснейший процесс. Поэтому он проходит на отдаленном секретном заводе, и непременно в субботу и воскресенье, чтобы, во избежание жертв в случае возможной аварии, на заводе не было рабочих. В цехе пропитки остаются только главный инженер, восемь мастеров-пропитчиков, пожарный расчет – и он, представитель головного министерства.

Жена его была концертмейстер-репетитор в театре оперы и балета, а теща – учительница французского на пенсии. А дочь была вовсе дитя. Так что им можно было с серьезным видом излагать эту чушь.

Ему заботливо собирали чемоданчик. Две свежие сорочки, две смены белья, несессер, и даже крепкий чай в термосе.

Ласково и строго попрощавшись с семьей, в пятницу вечером он садился в служебную машину, и шофер его отвозил на вокзал. На вокзале, дождавшись, когда шофер уедет, он брал такси и ехал по заветному адресу, где три ночи с наслаждением предавался «пропитке конденсаторов». Возвращался в понедельник, якобы с утренним поездом, усталый, озабоченный, быстро принимал душ и уезжал в министерство.

Все было прекрасно. Все вокруг него на цыпочках ходили.

Но однажды он спросил у дочери, как они без него проводили время.

– Хорошо, папа! – сказала девочка. – Мама на ночь почитала мне книжку, а потом уехала...

– Куда?!

– На сверку партитур! – отвечало невинное дитя. – Мама сказала, что в субботу и воскресенье они в театре будут ночью сверять партитуры. С главным дирижером. Когда спектакль закончится и все разойдутся. Это очень важно, папа! Чтобы ноты не пропали!

«Победа» сон на 14 января 2019 года

Приснилось, что я покупаю автомобиль в подарок одной молодой и красивой женщине. Просто так. У нас нет никаких, что называется, «отношений». Более того, моя жена Оля помогает мне выбрать машину, мы с ней вместе покупаем. Интересно, что машина – советская «Победа», но новенькая, 2018 года выпуска. Хотя не только внешне, но и технически такая же, как в начале пятидесятых. Точная копия.

Передаю подарок. Молодая красивая женщина одобритительно гладит машину по крыльям, по капоту, садится, заводит мотор, проезжает два десятка метров, потом сдает назад, выходит, радостно улыбается и говорит:

- Отличная машина!
- Вам нравится? – говорю я.
- Да! Очень.
- Может быть, вам больше хотелось «хонду» или, там, не знаю, «БМВ»?
- Ой, что вы! Я же говорила, что хочу советскую «Победу»! Все классно! То, что надо!

Я чувствую, что меня в этом диалоге что-то смущает. Но что? Почему я задаю ей всё новые и новые вопросы? Ага! Вот в чем дело! Она не сказала мне «спасибо». Черт... Как же так? Я ей подарил машину, а она не сказала «спасибо»? Я продолжаю разговор, спрашиваю, как ей сиденье, как радиоприемник, как рулевое колесо, как общий облик – и на все она говорит: «Отлично, класс, окей» – но не говорит «спасибо».

Рассказываю Оле (во сне). Она говорит:

– Да ладно тебе. Они теперь редко говорят «спасибо». Хотя иногда бывает. Бывает, бывает! Это тебе просто не повезло. Но вот слово «извините» – удавятся, но не скажут. Извернутся, изоврутятся, убегут, поссорятся – но извиняться не станут...

Основной инстинкт этнография и антропология

Давно это было, но забыть не могу.

1980 год примерно. Лето.

Беговая аллея, оттуда тропка к овощному магазину на Беговой улице.

Вижу сбоку, наискосок: идут – мужчина лет тридцати, но из тех, кого до сорока лет называют «парень», и женщина, его жена, чуть моложе. Он впереди, она чуть сзади, в трех-пяти шагах. Он в грязной расстегнутой на груди рубашке и мятых брюках, она – в коротком ситцевом платье, чуть ли не в халатике. Он коротко и неаккуратно стрижен. Она с пучком светло-русых волос, выбиваются прядки. Он небольшого роста, но очень жилист, широкоплеч, силен. Она – стройная, красивая лицом. Беременная на седьмом месяце, не меньше. У него глаза сощурены, губы бескровные, в ниточку, скулы бледные. На лице у него ярость. У нее царапина на лбу, красная щека, в кровь разбитый и вспухший рот.

Он идет, широко расставив локти, стараясь задеть кого-то из прохожих. Нарывается на драку. Она идет следом и всхлипывает: «Не надо, не надо...» Он коротко матерится в ответ, не оборачиваясь; бросает матерок через плечо. Вот он сильно задевает какого-то мужика. Тот пошатывается, отшагивает в сторону, решает не связываться. Она плачет: «Не надо! Не надо!» Он идет дальше, задевает еще одного, двух, трех. Никто не хочет с ним драться. Они идут дальше. Жена пытается его остановить, дергает за рубашку. Он отшвыривает ее руку.

Но вот он задевает четвертого. Тот глядит на него, отбегает в сторону, хватая с земли толстый кусок ржавой арматуры. Приближается. «Не надо! – рыдает она. – Умоляю! Умоляю!» «Уведи его!» – командует мужик. А парень лезет в драку. Она хватая его сзади за обе руки, прижимается к нему своим животом, кладет голову ему на плечо, рыдает, слезы льются. «Уйди, сучка!» – орет он, вырывается и шагает к мужику. Мужик прилаживается, как точнее ударить его арматурой. Женщина бросается между ними, кричит что-то между «не надо» и «умоляю».

Мужик громко сплевывает и уходит. Парень дает жене пощечину. Ее слезы пополам с кровью брызжут параллельно тротуару. Она берет его под руку. Он вдруг успокаивается. Они идут рядом. Скрываются за углом.

Удар о важности правильной тренировки

Этот мужик стоял у кассы, выкладывал покупки из тележки на стол. «Пакет нужен?» – спросила продавщица. «Нужен, нужен». Круглые баночки с детским питанием, хлеб, сахар, печенье, упаковки овощей. Сосиски. Бутылка постного масла. Джем. Сметана. Касса пищала. Продавщица спросила: «Социальная карта есть?» Мужик вытащил из бумажника синеватый прямоугольник. Касса пискнула еще раз. Значит, мужик был пенсионер. Но выглядел нестарым. Лицо у него было серенькое такое, обыкновенное. Рядом с ним мальчик лет семи разворачивал глазированный сырок. Внучок, наверное.

Саша вспомнил, что говорил инструктор. Возбуждать в себе злобу нельзя. Презрение – тоже. Нельзя говорить в уме «ах ты козел плюгавый, дерьмо, ничтожество». Надо быть совершенно холодным, спокойным, равнодушным.

Саша покосился на своих спутников. Один из них как будто бы рассматривал винные бутылки на стеллаже напротив кассы, а второй просто стоял за Сашиной спиной и делал вид, что пересчитывает деньги в своем кошельке. То есть они – рядом.

Саша собрал во рту всю слюну и громко цокнул языком.

Мужик обернулся.

Саша плюнул ему в лицо. Попал между носом и левым глазом.

Мужик изумленно заморгал.

* * *

Дело в том, что Сашу позвали на одну очень интересную работу. Деньги и карьерный рост. Он подумал и согласился. С ним занимались два человека – инструктор и помощник. Саша не знал, как их зовут.

Инструктор говорил:

– Держать удар легко. Особенно в переносном смысле. Ну, типа, жена изменила, друг деньги не отдал, босс нахамил, ну и так далее типа того. Немножко разумности, вот и всё. Собраться. Подумать про себя, типа, например, «бог его накажет; главное, я жив-здоров; не я первый, не я последний; и вообще бывает хуже». Ну и все такое. А в прямом смысле удар вообще фигня. Пластырек наклеил и дальше пошел.

– А что трудно? – спросил Саша.

– Трудно бывает удар нанести, – говорил инструктор.

– Да ну! Влындить, и все дела! – Саша хорохорился.

– Э, нет! – смеялся инструктор. – Мы же все в глубине души хорошие люди! Нас же мама с бабушкой учили! Сказки нам читали! Нам же тяжело, иногда просто невозможно сделать человеку больно! Особенно незнакомому. Поломать ребра – херня, срастется. А вот человеку жизнь поломать! Посадить его на много лет. Отнять имущество. Да еще опозорить, чтоб родная мать его прокляла, чтоб дети его стыдились. Это труднее. Не все справляются. Многие спекаются. Не могут, слабаки, перешагнуть.

– А я смогу? – спросил Саша. – Вот вы как думаете?

Потому что у него были глубоко личные причины ненавидеть если не все население родной страны, то уж процентов пятьдесят – точно. А на другие страны и народы ему было вообще плевать.

– Надо учиться, – сказал инструктор. – Завтра пойдем в супермаркет. Ты в очереди выберешь человека и плюнешь ему в рожу. Случайному человеку. Вот так, просто. Ни с того ни

с сего. Раз – и харкнул. Не бойся. Тебе за это ничего не будет. Мы будем рядом, буквально в полушаге. Если что, так сразу, – инструктор положил руку на плечо своему помощнику.

Они оба были как будто одинаковые. Крупные, плотные, мускулистые.

* * *

Мужик изумленно и будто бы жалобно заморгал, стряхивая Сашин плевок с лица, с выражением ужаса и омерзения поглядел на него – и вдруг резко двинул ему левой в живот. Саша согнулся, и тогда мужик во всю сласть правой рукой долбанул ему в челюсть. Саша отлетел на стеллаж с бутылками. Раздался звон стекла: штук пять упало и разбилось. Секунд на десять он потерял сознание, это был настоящий нокаут. Очнулся. Все было в тумане. Пахло вином, целая лужа на кафельном полу и зеленые осколки. Он увидел, как мужик кладет свои покупки в кошелку.

– Пойдем, Кирюша, – сказал мужик своему внуку и салфеткой вытер ему губы, все в шоколадной глазури.

Они пошли к выходу.

Саша вскочил, шатаясь. Огляделся.

– Эй, – осипшим голосом крикнул он. – Вы где? Эй! Сюда!

Инструктор и помощник как из-под земли выскочили.

Пошептались с охранником.

Вывели Сашу наружу, отошли на три шага от крыльца.

– Вы же сказали, что мне ничего не будет! – возмутился он. – Вы же мне обещали! Вы сказали, что будете рядом! В полушаге! Куда вы подевались? – И вдруг догадался: – А этот хрен с горы, боксер этот, он тоже из ваших? Он же бьет, как профи! Нечестно! Предупреждать надо!

– Вернись и заплати за разбитые бутылки, – сказал инструктор.

– Я?!

– А что, я, что ли? – подал голос помощник инструктора.

– У меня столько денег нет, – уперся Саша.

– Тогда они вызовут полицию. Давай, живенько. И пока всё. С тобой пока всё.

– Почему? – отчаянно вскричал Саша

– Потому что ты не можешь держать удар. Набери мне через годик.

* * *

Ровно через год Саша, как было велено, набрал. Но там ответили: «Здравствуйте, меня зовут Милана, бесплатные обследования позвоночника в рамках программы “Здоровая Москва”, скажите номер вашего страхового полиса».

Аптека за углом Тридцатилетняя война

– Подожди, подожди, – вдруг сказала она. – Подожди.

– Что такое? – он заглянул ей в глаза.

– Ничего, ничего, – она часто дышала и даже вздрагивала, прижавшись к нему вся, от груди до колен. – У тебя презерватив есть?

– Нет, – он разжал объятия. – А ты что, мне не доверяешь?

Он почти обиделся. Презерватив ей нужен! Раньше надо было говорить! Но тут же остановил сам себя. Они же только вчера познакомились, сегодня он первый раз у нее дома, сидят, пьют вино, едят конфеты, не могла же она сразу, с бухты-барухты про гондоны, вдруг бы у них вообще ничего бы не получилось, не начался бы этот странный разговор, когда он сел на диван рядом с ней, положил ей руку на плечо, а она отодвинулась и спросила:

– Я тебе нравлюсь? – Он кивнул. – Ты меня хочешь? – Он кивнул еще раз, потянулся к ней, но она шлепнула его по руке и сказала: – Раз так, тогда скажи вот это самое, но красивыми словами. Объяснись в любви. А то ничего не будет!

– Хорошо, – сказал он. – Дай сосредоточиться.

Сосредоточился и объяснился в любви. Красивыми словами.

– Хорошо, – сказала она. – Даже очень. Давай попробуем.

Встала с дивана, они обнялись, начали целоваться, он стал под свитером расстегивать ей лифчик, и вот тут она вспомнила про презерватив. Улыбнулась:

– Тут внизу аптека. Прямо в доме. Выйдешь из подъезда и налево. Сразу за углом. А я пока в душ пойду. Дверь не буду запираю, просто ручку нажмешь и войдешь. На подъезде код 16-18-48, легко запомнить.

– Почему легко?

– Тридцатилетняя война, – засмеялась она. – Ты же сказал, что любишь книжки про историю. Тысяча шестьсот восемнадцать тире сорок восемь. Давай. Я жду!

Она сбросила свитер, повернулась и пошла в ванную, на ходу снимая лифчик.

* * *

Он пешком сбежал с шестого этажа.

Аптека и вправду была прямо за углом. На двери висела надпись: «Технический перерыв 30 мин». Он огляделся. О! Буквально в ста метрах, через дорогу, по диагонали, еще одна. Добежал. Закрыто. Мимо шла пожилая тетя. «Простите, – он запыхался. – Где тут аптека?» «Вам плохо? – остановилась она, раскрыла сумочку. – Сердце? Вот у меня валидол, азотистый спрей. Давление? Анаприлин. Живот? Ношпа». «Нет, спасибо... Я здоров!» «Папе-маме плохо? Пойдемте. Я медсестра со скорой». «Да нет, спасибо». Кажется, она что-то поняла. Усмехнулась. «Вон там еще аптека», – и показала на ту, где он только что был. «Там закрыто!» – сказал он, но тетя уже ушла.

Проклятие. Он вернулся к аптеке за углом. Перерыв еще не кончился, но у дверей уже стояли две парочки. Неужели тоже за презервативами?

Остановилось такси, вылез какой-то дядя, стал смотреть на небо и ладонью водить в воздухе, пробовать, идет ли дождь.

Он бросился к такси:

– Есть тут ресторан? Чтоб совсем рядом? Быстро, взад-назад!

Потому что в ресторанах в туалетах стоят автоматы по продаже гондонов.

* * *

Ресторан был шикарный. Пускать не хотели. Все объяснил швейцару и дал ему пяти-сотку. Автомат в сортире был. Нужные купюры были. Щелк! – и ему в ладонь упала желто-красная упаковка. Он положил ее в бумажник.

Вдруг сзади услышал возню и жалобные стоны. обернулся. В углу, спиной к нему, два парня хватили за руки какого-то пожилого худенького интеллигента. Тот чуть не плакал и все пытался нажать кнопку на своем мобильнике.

Ему кровь бросилась в голову. Он ненавидел, когда обижают слабых. Особенно детей и стариков. Резко схватил табурет – тяжелый, литой-витой-чугунный, подшагнул сзади и вырубил обоих. Пожилой подмигнул и исчез.

Он быстро вышел на улицу. Там стоял здоровенный джип. Дверца открылась.

– А ну сюда! – сказал тихий тяжелый голос. Сзади подтолкнули.

Внутри сидел этот пожилой интеллигент. Дверца захлопнулась. Джип тронулся.

– Куда вы меня везете? – вскрикнул он.

– Я Доня Хабаровский, – интеллигент протянул сухонькую ладонь. – Слыхал? Нет? Ну, тебе повезло. Но не в том дело. Я тебе должен. Кого ты примочил – то ли менты, то ли следком, то ли гэбуха, я пока не разобрался. Но в любом разе тебе всё. Они будут думать, что ты мой. И ведь не докажешь, а? – он захихикал. – Я тебе должен. Я тебя вывезу. Но чтобы тихо. Отдай мобилу.

Он отдал.

Улетали на бизнес-джете, без погранцов и досмотра. Он читал про такое, но думал, что это врут. Однако правда.

Прилетели не пойми куда. Что-то скандинавское, по погоде и пейзажу. Оттуда в Америку. Доня выдал ему сорок штук баксов и документы на имя Энрике Курцхаймера, гражданина Аргентины.

– В расчете? – спросил Доня.

– Спасибо, – сказал он.

– В случае чего меня не ищи, – сказал Доня. – Могут зачалить. Пока.

* * *

Он и не искал. Он нашел работу. Слава богу, хоть увлекался книжками по истории, но окончил МГСУ, бывший МИСИ. Водопровод везде водопровод, и канализация тоже. Женился на хорошей американке – высокой, золотистой, с большими ногами, синими глазами и силиконовым бюстом. Двоих детей она ему родила, мальчика и девочку. Натурализовался в Америке, стал Генри Курц, для простоты и краткости. Дети совсем выросли. У старшей девочки свой родился. Шесть лет парню. Умница. Играет в игры, особенно по истории. Вопросы задает.

– *Grandpa*, – спросил внук однажды. – *And when was the Thirty-Year War, hey? And don't look into the gadget!*

Он вдруг резко вспомнил и сказал:

– *Sixteen eighteen – sixteen forty eight.*

– *Cool! Champion! So smart you are, Granddy!*

«А сейчас, выходит, юбилей типа? – подумал он. – Четыреста лет?»

Пошел в свою комнату, достал из ящика старый бумажник. Там в секретном кармашке лежал гондон.

Значит, пора. Тридцатилетняя война окончена.

* * *

Аэропорт, граница, такси. Вечер.

Вот и подъезд.

Он набрал 16-18-48. Дверь запищала и поддалась. Лифт, шестой этаж. Номер квартиры он не помнил. Так, зрительно.

Нажал на ручку и вошел.

Она стояла посреди комнаты, совсем голая – только что из душа. Капли воды стекали по ее морщинистой шее на плоскую вялую грудь. Седые волосы были закручены в пучок на голове. Они обнялись и поцеловались, ее мокрое тело впечаталось в его пиджак. Она потрясающе целовалась. Он почувствовал, что уже готов. Стал расстегивать рубашку.

– Подожди, подожди, – вдруг сказала она. – Презерватив принес?

– Да! – закричал он, вытащив из бумажника тот самый желто-красный пакетик. – Вот!

Она разорвала упаковку.

– Он совсем старый, он сыплется в руках, – засмеялась она. – Тут внизу аптека. Прямо в доме. Выйдешь из подъезда, и налево, за углом.

Красная линия

мне в моем метро никогда не тесно

На станции «Парк культуры» в вагон вошла девушка и уселась рядом с ним. Вытащила из рюкзака большую тетрадь, раскрыла ее и стала что-то записывать. Он скосил глаза. У девушки был крупный отчетливый почерк. Вот это да! Это были наброски лекции или семинара. С ума сойти. Что-то про Александра Македонского. С обзором литературы. Вот она написала: Фридрих Шахермайер.

– Фриц, а не Фридрих, – негромко сказал он. – Шахермайр. Не «майер», а просто «майр».

Она кивнула и исправила, даже не взглянув на него. А он стал на нее смотреть. Она была совсем молодая, не более двадцати пяти. Наверное, аспирантка, и вот уже читает лекции или ведет семинары. То есть уже взрослая дама. Но все-таки очень юная. У нее были совсем детские руки, такие бывают у девочек в двенадцать лет, с бледными пальцами и прозрачными ноготками. Но она крепко держала авторучку и уверенно заполняла лист, соединяя стрелками имена и даты, рисуя квадратики, нумеруя параграфы. Ишь ты! Неужели она на том же факультете, который он окончил сто лет назад? Он давно бросил науку ради так называемого реального дела. То есть ради больших и быстрых денег, если честно. Ну и каков результат? Где эти деньги? Где вообще что-нибудь? Заработал на безбедную старость, вот и весь итог жизни. Господи, тоска-то какая.

Он не удержался от громкого вздоха.

Она подняла лицо, посмотрела на него, как будто возвращаясь из античности в наше время.

– Небось, на кафедре у Аминат Магомедовны? – спросил он.

– Да, – она кивнула. – Хотя Аминат Магомедовна уже не зав. Но иногда читает лекции. Зав теперь Бевзенко, знаете?

– Нет, – сказал он, вглядываясь в нее.

Выпуклые скулы, широкие брови, крупный, чуть вздернутый нос, тонкие русые волосы пушатся на висках. Она была на кого-то похожа, убийственно похожа, мучительно похожа, но на кого? Черт. Это уже старческое, когда не можешь вспомнить знакомого лица. Или, наоборот, дежавю? Тоже какой-то свих. Не легче. Он вздохнул еще раз.

– Нет, – повторил он. – Бевзенко не знаю. Я очень давно бросил профессию. Но учился как раз у Аминат Магомедовны, великая женщина...

– Моя мама тоже у нее училась, – сказала девушка. – И бабушка тоже была на нашем факультете, но на другой кафедре.

Его как будто жаром обдало.

Он снова взгляделся в ее простое, чудесное, милое, курносое личико и вспомнил: Галя!

* * *

Такие же брови, такой же нос, такие же чуть азиатские скулы.

Галя была в него покорно влюблена. Но в него тогда были многие влюблены, а он капризничал и выпендривался, дурак. Однажды он ее попросил остаться, когда все ребята расходились. Помочь убрать посуду и все такое. По тогдашним манерам это было чуть ли не предложение руки и сердца. Но потом, в самый долгожданный момент, сказал загадочным тоном: «Пожалуй, тебе лучше уйти». Галя опустила руки – они обнимались, стоя около дивана, – опустила глаза и пошла к двери. Но позвонила с дороги, из телефона-автомата, и сказала: «Ты

все равно очень хороший». Она заблуждалась. Потому что он был не просто плохой, а очень плохой.

Потому что через неделю он позвонил ей и сказал: «А вот теперь приезжай».

Она приехала. Было лето. Июль. Стояла страшная жара.

Она была одета во все новое-красивое-ни-разу-не-надеванное, он это сразу понял, когда она начала раздеваться. Он даже не сказал ей: раздевайся. Она тоже ничего не сказала. Было так жарко, что говорить невозможно. Она разделась. Она была невинна. Ей было больно. Она заплакала. Потом проглотила слезы и улыбнулась. Потом он молча стал глядеть в потолок. Она встала и оделась. Потом недолго посидела на краю дивана, ловя его рассеянный взгляд. Встретившись с ним глазами, она вопросительно подняла брови. Он прикрыл глаза. Она встала и тихонько вышла из комнаты. Он слышал, как она молча стоит в прихожей. Потом вышла из квартиры. Закрyla за собой дверь, осторожно прищелкнув замок. Сквозь все стены слышно было, как она вошла в лифт, как стукнула тяжелая решетчатая дверь, как лифт поехал вниз.

Они так и не сказали друг другу ни слова – ни в этот раз, ни потом. Потому что никакого «потом» не было. Июль, август, а в сентябре Галя не появилась на занятиях. Или, может быть, появилась, но он как-то упустил ее. Нет, точно, она совсем пропала.

* * *

А вот сейчас, буквально за секунду, он все понял. Понял, почему Галя исчезла. Недавно же эта девушка сказала: «Бабушка была на нашем факультете». Не «окончила», а именно «была»... А потом ушла, когда забеременела. А потом родила маму вот этой девочки. Вот этой молодой женщины, которая едет вести семинар по Александру Македонскому. Боже мой, какой ужас и какое счастье – внучка! Какое чудо!

Захотелось ее обнять, и во всем признаться, и отдать ей все книги, которые остались с тех пор, стояли в особом «историческом», как он называл, шкафу. Дарить подарки. Вообще заботиться и принимать участие. А может быть, она скоро выйдет замуж, и он станет прадедушкой. С ума сойти!

– А ваша бабушка...

– Она умерла год назад, – сказала девушка, закрывая тетрадь.

Уже проехали станцию «Воробьевы горы». Следующая станция «Университет».

– Господи боже мой, как жалко! – совершенно искренне воскликнул он и едва не прослезился. – Как ее звали? Понимаете, может быть, я ее знал тогда. На факультете.

– Екатерина Сергеевна, – сказала девушка. – Девичья фамилия Верещак. Она тогда была Катя Верещак, вот. Вы в каком году оканчивали?

– Катя Верещак? – нахмурился он. – М-м-м-м... Нет. Не помню. Точно не помню. Жаль. Извините.

– Что вы, что вы! – сказала девушка, вставая, надевая рюкзак и небрежно кивая ему.

Он недовольно взглянул на ее курносое и скуластое, некрасивое и неприятное лицо и даже не кивнул в ответ.

Мысль этнография и антропология

Недавно ехал на такси, и таксист меня развлекал беседой. Рассказывал, как разменивал квартиру, чтобы отселить сына с молодой женой. Он говорил:

– Жили с женой и сыном в нормальной двушке. Сын стал подрастать, вы поняли мою мысль?

– Понял, – сказал я.

– Уже взрослый молодой человек! Девушки начались, вы поняли мою мысль? – Я кивнул. – А там за одну зацепился, вроде серьезно, вы мою мысль поняли? Свадьба! Переехали к нам, стали жить вчетвером. А через полгода у нее уже пузико круглится. Вы поняли мою мысль? Я жене так и говорю: «У них скоро ребенок родится, ты поняла мою мысль?» Решили разъезжаться. А тут у нас как раз бабушка умирает, вы поняли мою мысль? Лишняя недвижимость лишней не бывает, вы мою мысль поняли... Решили так: сделаем им двушку и нам двушку, да так, чтобы недалеко друг от друга жить, внуки, то да се, вы поняли мою мысль?

– Понял!!! – сказал я. Возможно, слишком громко.

– Понимаю! – сказал он. – Я понял вашу мысль! Вам про обмен квартиры неинтересно... А вот недавно моя «тойота» крепко забарахлила, вы поняли мою мысль? Надо менять! У меня были сбережения, но они ушли на ремонт квартиры, вы поняли мою мысль? Я кредиты не беру, это мое правило, вы поняли мою мысль? Решил пока без машины. Старую продал. А деньги положил в банк, вклад «Прибыльный», вы поняли мою мысль?

– Понял, – сказал я.

– Неправильная была мысль, – с горечью сказал он. – Они, суки, процент снизили. Чтоб им на том свете черти в жопу кочергу, вы поняли мою мысль?

– Не совсем, – сказал я. – Вы что, сами не соображаете? Эти высокие проценты – это ловушка для... Вы поняли мою мысль?

– Вы хотели сказать, «для лохов»? – обиженно уточнил он.

– Нет! – сказал я проникновенно. – Для добрых и честных людей!

– Хорошо, что вы поняли мою мысль! – сказал он.

– Я сам такой, – успокоил его я.

– Да, – он задумчиво вздохнул. – Этот мир не для нас с вами. Не для добрых и честных! Вы поняли мою мысль? Жена сына вот тоже... Близнецов родила. Их теперь четверо в двушке. А мы с женой тоже в двушке, но вдвоем... Она недовольна. Вы поняли мою мысль?

– Приехали, – сказал я. – Стоп.

– Вам же надо было к Чистым прудам! А это Сретенка, вы поняли мою мысль?

– Прогуляюсь, – сказал я. – Вы поняли мою мысль?

– А не жарко? Тридцать два в тени.

– Я понял вашу мысль, – сказал я. – Ничего страшного.

Каллиопа и гайдлайны сегодня – это завтра, которое нам обещали вчера

Антону Колошматину не везло. То есть ему везло в простых жизненных вещах, типа работа-зарплата, квартира-пожрать, а вот в делах тонких и человеческих выходил прокол. Антон работал куратором, то есть конвоиром, на стройке. Каждое утро он забирал убогих из лечебного дацана, строил их двумя параллельными гуськами, брал передних за руки и вел их через дорогу – стройка была рядом. Днем командовал шабаш, звал кормильщиков, а вечером – отбой и на место. Убогие были совсем никакие, в памперсы делали. Но даже самому хилому положена была детская метелочка, чтобы он подметал отдельные стружки с полу. Потому что был такой гайдлайн¹ – все должны трудиться. Даже лежащим в хосписах давали перебирать жареный арахис: целые сюда, щербатые – туда.

А вот раньше был совсем другой гайдлайн. Чуть у тебя в жопе засвербит или на душе закручинится, сразу хоп – хочешь геморрой, хочешь депрессия, и больничный на полгода. Благодарить! Но скучновато.

Антон выходил на балкон двадцать первого этажа, смотрел на зеленую Вахrameевку. Там раньше был расстрельный полигон, потом Парк памяти зря расстрелянных, сокращенно ППЗР, потом торгово-развлекательный центр «МеМуар», потом его перестроили и сделали музей художника Вахrameева, на очень долгое время. А потом этот музей купила австралийская миллиардерка Финкельмон, и его перевезли целиком, вместе со зданием, и осталась только глинистая почва; там лет за сорок прорезались ручейки и выросли большие деревья, так что вышел как будто бы лесок. Но название прилипло.

Время у них шло очень быстро, потому что был такой главный гайдлайн – не валандаться.

* * *

Антон обернулся и посмотрел, что делается в квартире, где шли отделочные работы.

Девушка Каллиопа, вице-кураторка, меняла памперс убогому: спустила с него просторные холщовые портки, стянула пропиленовые трусы, вытащила засранную полоску гофро-ткани, запихала в спецпакет, аккуратно подмыла старика, промокнула, положила новый памперс и натянула трусы-штаны на место. Убогий хлопал глазами и помахивал шпателем – видно, ему не терпелось работать. Знал, старый хрен, свой гайдлайн! Антон к нему присмотрелся – седая борода, орлиный нос, – кажется, его портрет был в учебнике: то ли великий писатель, то ли знаменитый физик. А неважно, работать все равно надо. Девушка Каллиопа погладила его по голове и легонько подпихнула к группе других убогих, которые скребли стену, счищая с нее мельчайшие неровности.

Антон залюбовался девушкой, как она ловко управляет с памперсами. Очень красивая, только на левой брови легкий шрам. Полосочка такая белая, бровь делит пополам. Но это даже симпатично. Даже привлекательно, честно! И имя какое хорошее. В переводе значит «сладко-гласная». Послушать бы, как она говорит. Потому что раньше они с ней как-то не разговаривали. Не о чем и незачем.

– Эй, – сказал Антон. – Каллиопа! Ты чего сегодня вечером делаешь?

– А что такое? – спросила она приятным нежным голосом и покраснела с намеком.

– А пошли потом ко мне. Отведем этих в дацан, и буром ко мне, тут довольно рядом.

– А зачем? – она подняла свою рассеченную бровь.

¹ Гайдлайн (англ. *Guideline*) – руководящее разъяснение.

- А ты совсем маленькая, что ли? – засмеялся Антон. – Восемнадцать минус?
- У меня ноги грязные сразу в гости идти, – застеснялась она.
- Говно вопрос! – успокоил ее Антон. – У меня ванна и полный педикюр!

* * *

Ноги у нее и правда оказались ай-ай-ай. И ногти тоже. Антон поставил в ванну табурет, усадил ее, напустил воды. Сам сел рядышком. Вымыл ей пальчики и лодыжки, подстриг и подшлифовал ноготки, подточил пяточки. Ножки стали как новенькие. Заодно и всю ее отполоскал под душем. Дал махровую простынку. А потом взял на руки и понес в комнату, положил на кровать.

Комната у него была большая, книжные полки до потолка. «Британника», Брокгауз, «Патрология латинская», «Патрология греческая». Кант в восьми здоровенных томах, с комментариями Кассирера. Гегель, издание Глокмана, тридцать томов. Оксфордский «барнетовский» Платон, как положено. Зато Аристотель – беккеровский, совсем старый, но как новенький. Ну и всякие там мелкие Шеллинги, Шлегели и Шопенгауэры. Ницше полный, полнее не бывает, включая студенческие работы и гимназические сочинения, не говоря уже о переписке. Зато французов нет, кроме Декарта.

– Уй, как много книжек! – сказала Каллиопа, раскидывая руки. – Ты умный?

– Так, – сказал Антон. – Помаленьку.

Они поцеловались. Ну и потом все остальное, конечно. Ему было хорошо. Вроде и ей понравилось – по всему судя.

Потом она как следует огляделась и сказала:

– Красиво у тебя.

Антон кивнул. Да, красиво, и картинки, и цветы в горшках, но на полу все время каменный мусор. Это с потолка сыплется штукатурка. У соседа наверху нелегальный бойцовский клуб, они все время молотятся и на пол падают. Бывает, в кровь молотятся, кровь иногда протекает сквозь щели между бетонных плит. Вот, пожалуйста, комочек цемента упал, весь бурый. Явно кровь.

Антон все время хотел стукануть на соседа. Донести. Но держался, потому что не было понятно с гайдлайнами. Вот в те времена, когда было легко получить больничный, когда у всех была депрессия, – вот тогда был гайдлайн стучать. Если не стукнешь, на тебя самого стукнут, что ты не стучишь, – и в дацан на промывку. А сейчас насчет стука была полная молчанка, никаких гайдлайнов. Антон сильно подозревал, что скоро пойдет гайдлайн на благородство, типа «доносы – это фи!». Поэтому тихо подмазывал потолок и подметал пол. Но за день успевало много налететь, вот как сейчас.

– Главное, ты красивая, – сказал Антон, приподнялся на локте и потрогал ей пальцем шрам на брови, нагнулся, и прикоснулся к нему губами, и спросил: – Откуда это у тебя?

Вдруг Каллиопа залилась слезами.

– Он меня бил! – рыдала она, кусая подушку. – Я его обожала, я жила только ради него, он был вся моя жизнь, я растворялась в нем, я поклонялась ему. А он меня бил! А я говорила: «Бей, но только не бросай!» А он все равно бросил!.. Бросил, бросил!

Она, дрожа, прижалась к Антону, и он даже, представьте себе, с разгона обнял ее и погладил.

– Пожалей меня, обними меня, согрей меня, спрячь меня! – бормотала она, и ее слезы лились на его грудь и стекали к пупку, а один ручеек даже попал под мышку.

– Каллиопа, – вдруг строго сказал Антон. – Какое мне дело до твоих бывших любовников?

– Не было никаких любовников! – зарыдала она еще громче. – Он был у меня один! Первый и единственный мужчина!

– А я? – спросил Антон.

– А ты просто хороший человек.

– Но согласись, Каллиопа, – обескураженно возразил Антон. – Как-то это бестактно, в данной ситуации. Зачем ты мне все это вываливаешь?

– Потому что ты добрый, – сказала Каллиопа.

– Ошибаешься, – сказал Антон и встал с кровати. – Собирайся.

– Нет! – снова зарыдала она. – Не выгоняй меня! Делай со мной все что хочешь...

– Да я ничего с тобой делать не хочу. Уходи.

– Не могу, – она встала и достала из сумочки часы. – Есть такой гайдлайн: если свободная женщина прожила со свободным мужчиной на его территории более сорока пяти минут при наличии взаимно добровольного секса, они считаются парой на ближайшие десять лет.

– Ясно, ясно, ясно... – нахмурился Антон. – Тогда располагайся. В кухне холодильник, веник в коридоре. Если нетрудно, подмети, а то под ногами скрипит. А я сейчас.

Он взял кошелку, как будто в магазин, а на самом деле побежал в круглосуточный МФЦ, написал заявку на перемену фамилии.

Потому что ему не нравилась его фамилия – Колошматин. Грубо и агрессивно. Хотелось что-то изящное и пейзажное. Ветка на фоне осеннего неба. Девушка в МФЦ сказала, что есть свободная ячейка на Листовёртова. Он попробовал на язык: Листовёртов, Листовёртов... А ничего! Пусть. Новая жизнь с новой фамилией.

Но Каллиопа засмеялась и сказала, что это ужасно. Что она никогда не станет не то что К. Листовёртовой, но даже в домашнем партнерстве с А. Листовёртовым быть не согласна. И тут же уснула, носиком этак наивно и трогательно засопев.

Он прилег рядом и решил пожить с ней положенные десять лет.

* * *

Рано утром его разбудил курьер. Принес большой кожаный конверт с бронзовыми пуговицами и золотой маркой. Каллиопа спала, с лицом надменным и гордым своими страданиями. Видно было, что она тоскует по тому козлу, который ее бил. Хотя уже десять лет прошло.

Антон теперь уже Листовёртов расстегнул конверт. Там было хрупкое фарфоровое письмо в стиле «Веджвуд»: на шершавой зеленой пластинке тончайшими белыми письменами было сказано, что любящая тетя из Ноттингемшира жаждет обнять его и передать ему наследство. И подпись: Оливия Листовертофф.

Антон на цыпочках вышел из комнаты, спустился вниз, добрался до Вахрамеевки и через лес пошел в Ноттингемшир. Пришел весь грязный, потный, в рваных носках. Тетя Оливия усадила его на табуретку в ванну, напустила воду, сама присела рядышком. Вымыла ему ноги, вычистила грязь из-под ногтей, наклеила пластырь на мозоли. Всего его отполоскала и сама к нему под душ залезла. Она была очень даже ничего, несмотря на свои годы. У нее была грудь, как зефир ванильный бело-розовый. Антон сделал все, что положено. Потом прижался к ней и заплакал горькими слезами.

– Ты чего? – спросила тетя Оливия.

– Я ее полюбил, – зарыдал Антон. – Всей душой! С первого взгляда. А она со мной живет и спит рядышком, а любит какого-то козла, который ее бил. Вот уже сколько лет! Десять лет, вы представляете? Пожалейте меня, тетя Оливия! Обнимите, согрейте, спрячьте!

– Как-то это невежливо, ты не находишь? – спросила тетя. – И неуместно! Переспал с солидной дамой и начинаешь ныть про какую-то потаскушку.

– Она не потаскушка! – обиделся Антон. – Она моя домашняя партнерка!

– Тони! – сказала тетя Оливия. – Ты мне бесконечно родной человек, я люблю тебя как сына и поэтому не могу кривить душой. Я тебя ненавижу. Я лишаю тебя наследства. Вон отсюда!

Антон встал, оделся, молча вышел из комнаты, но на пороге обернулся.

Но вместо спальни тети Оливии увидел свою квартиру, словно бы и не уходил никуда. Книжные полки, цветы на окне, наверху бойцы молотятся, аж с потолка штукатурка летит, и никакой Каллиопы.

Неужели это все ему показалось?

Он вышел на балкон.

Нет, ничего не показалось. Тут и вправду прошло много лет. Вахрамеевку вырубili и на этом месте построили огромный полусферический приют для бездомных котят. Наверное, пришел гайдлайн на благородство и помощь малым сим, включая мелких домашних животных.

Внизу убогие играли на гитарах, трещотках и маракасах. Точно, новый гайдлайн! Не вкалывать из последних сил, а стремиться к прекрасному и высокому. Какая-то девушка дирижировала этой музыкой, а другая меняла убогим памперсы. Может быть, одна из них была Каллиопа. А может быть, нет. И не поймешь сверху.

Зато приют для котят сиял в закатном солнце, как невероятных размеров бриллиант, в сто тысяч мелких стеклянных граней, и за каждым стёклышком сидел счастливый спасенный котенок.

Париж, Лувр нечаянно

– Пресная была у меня жизнь, – сказал Савельев Мишину. – Какая-то слишком благопристойная.

– А чего плохого? – пожал плечами Мишин. – Зато всякие демоны прошлого не кусают. Мальчишки кровавые, оно тебе надо?

– Да нет, все очень хорошо, – заныл Савельев. – Но скучно. На кого ни плюнь, у всех тайное преступление. А я как дурак. Никого не обокрал, не отжал, не обидел. Долги отдавал. Диссертацию сам писал. Жену обожал. Родителей уважал. Детям до сих пор помогаю. А женщины? Вообще позор. Никого не завлек и не бросил. Не обещал жениться и не оставил. Никого даже не обхарассил как следует! Никакая тетенька про меня не скажет, дескать, «ми ту!». Никогда не настаивал, силой не обнимал, не валил на диван. И уж тем более с использованием служебного положения. Или за деньги, фу-фу-фу. Да – значит, да. Нет – значит, извините. Живу, и совершенно не в чем покаяться. Смотрю людям прямо в глаза. Никакого вот такусенького чувства вины. Тоска!

– Пойди к психоаналитику, – помолчав, сказал Мишин. – Полежи у него на кушеточке по сто евро в час, два раза в неделю. Через полгода вспомнишь. *Слезьми обольёсси!* Оно тебе надо?

– За сто евро в час не надо, – вздохнул Савельев. – Но все равно тоска. Обернешься на прожитую жизнь, а там ничего не было.

– Ну прямо уж, – Мишин даже его обнял за плечи, утешая, и ненароком наступил ему на ногу.

– Ойхххх! – зашипел-застонал Савельев, потому что в Мишине было килограмм сто двадцать. И вдруг вскрикнул: – Было! Было, братец! Еще как было!

– Что?

– А вот что. А было, что я трахнул Венеру Милосскую.

– А? – спросил Мишин.

– Бэ! А потом кинул ее, как последняя сука. Мне было лет двадцать. Купил себе рубашку, а рукава надо коротить. Соседка дала адрес портнихи. Хорошая и недорогая, и все быстро делает. Прихожу. Квартирка маленькая. Открывает. Красивая такая баба лет тридцати. Кутается в халат. Я ей показал, на сколько сантиметров. «Приходите завтра». «А сегодня нельзя? Вот прямо срочно! Мне вечером уезжать». Она говорит: «Ладно. Только выйдите из комнаты в прихожую, сядьте на табуретку и сюда не входите». Ладно, думаю. Сажу, книжку читаю, а там, слышно, швейная машинка стучит. Ну я же любопытный. Заглянул, чуть не офигел: она ногами шьет. Сидит на высоком таком кресле, и вот так. А ноги у нее такие классные, пальцы длинные, сильные... А рук вовсе нет. Обернулась. «Ну, – говорит. – Увидел? Рад? Доволен? Еще минуту, заберешь и беги отсюда». Я подхожу, глажу ее по ноге, целую ее ногу, и вторую, она запрокидывается в своем кресле, я ее на руки и на кровать... И так классно было, что я ее даже за ногу укусил, за большой палец. От страсти, понимаешь? Очень сильно, наверное. Она заплакала и говорит: «Ну что ты за дурак, я же теперь работать не смогу, с таким синяком, больно же!» Я ей говорю: «Я вместо тебя шить буду, пока пальчик не заживет». Прожил у нее две недели. Даже шить научился, честное слово. Даже сейчас по мелочи могу. Сарафанчик дочке сострочить, сыну брючки подрубить...

– А где она сейчас? – спросил Мишин.

– В Париже! В Лувре! – крикнул Савельев, повернулся и убежал.

Двадцать шесть семьдесят белковая пища

Савельев проснулся. Было темно из-за того, что он вечером опустил жалюзи. Плюс к тому – тяжелые шторы.

Он протянул руку к тумбочке, взял мобильник, ткнул пальцем, чтобы включился дисплей с часами.

На дисплее высветилось: 26:70.

«Блин, – подумал Савельев. – Сломалось». Пошарил рукой, нащупал часы, у него был «ЭпплВотч». Нажал. Часы показывали 26:71.

– Блин! – заорал Савельев.

Дверь открылась, и вошел Мишин. Подбежал к его кровати, схватил его за руку, затряс приветственно:

– Ура! Живой! Я знал! Я верил!

– А ты что здесь делаешь? – испугался Савельев. – А где Лена? Где все? И почему тут ты, за каким хером ты ко мне в спальнюходишь, и где Ленка, блин, отвечай!

Он испугался сами понимаете чего. Вскочил с постели и стоял перед Мишиным совсем голый, то есть в одной футболке и махровых носочках. Но без трусов.

– Ляг, – сказал Мишин. – И успокойся. Лена тютю. Увы. Тебе надо будет с этим как-то смириться.

– Чего?! – возмутился Савельев, но всё же лег, укрылся одеялом и сказал с долей горького цинизма: – Ну, расскажи другу всю правду...

– Лена умерла, – строго ответил Мишин и добавил: – В почтенной старости.

– А?

– Бе. Ты не спросил, какой сейчас год. Посмотри на часики. Хотя не надо, запутаешься. Летосчисление поменяли. Сейчас идет пятнадцатый период. Но по секрету тебе скажу, хотя вообще-то вспоминать не положено... По-старому сейчас две тысячи девяносто второй. Но об этом не надо.

– А как же я? – растерялся Савельев. – Почему же тогда я...

– Мне скажи спасибо, – загадочно сказал Мишин. – У тебя той ночью был легкий инфаркт. Ленка вызвала скорую. И мне позвонила. А я включил тебя в программу. Скажи спасибо. А главное, не ссы и не горюй. Все наладится.

Он подошел к окну, просунул руку за гардины, нажал на кнопку, и старые металлические жалюзи со скрежетом поползли вверх. Сквозь плотные занавески пробивался ровный неяркий свет. Савельев увидел привычную обстановку своей спальни: большая кровать с тумбочками по обе стороны, два шкафа, торшер, кресло, узенький книжный стеллаж.

– Насчет времени, – продолжил Мишин. – Мы целиком перешли на десятичку. Сто минут – один час. Сто часов – одна монада. Десять монад – декада. Десять декад – один цикл. Десять циклов – один период. Спросишь, сколько длится минута? Сто секунд! – засмеялся он. – Главное, отцепиться от солнца и луны, дней и ночей, закатов и рассветов, весны и осени, от всей этой чепухи.

– Их что, совсем отменили?

– Да бог с тобой! Вовсю бушуют. Балуют нас своей красотой. Но к нашему расписанию это не имеет никакого отношения. Темно – включи свет. Светло – зашторь окно.

– Погоди! – вдруг вспомнил Савельев. – Если я столько лет был без сознания и тут у вас все изменилось, почему же моя квартира точно как была?

– Не вся квартира, а только спальня, – поправил Мишин. – Специально для тебя, старичок. Чтоб тебе уютно было привыкать. Но ты уже в другом месте. Открой окно.

Савельев встал, первым делом достал из комода трусы, оделся и только потом отдернул шторы. И ахнул.

За окном был чудесный регулярный парк, почти как Версаль, только меньше и уютнее. Газоны, бордюры, клумбы, вазы, мраморные статуи, стриженные шары и кубики каких-то плотных кустарников.

– Обалдеть, правда? – сказал Мишин. – Но если Париж вам скучен, то вот!

Он что-то нажал на пульте, который лежал на подоконнике.

За окном было море. Волны окатывали каменистый пляж. Сквозь плотно закрытые окна едва доносился мерный шум и тонкие крики чаек. Пахло свежестью.

– Ну или... – сказал Мишин.

Луна сквозь ветви яблоневого сада. Вдали – амбар, крытый соломой. Тихий стрекот ночных цикад.

– И еще много всякого, – сказал Мишин, щелкая переключателем. – Вот, гляди, вид на мегаполис с сорок пятого этажа. Узкая улочка старинного городка. Захламленный двор со ржавыми пожарными лестницами и бельем на веревках. Тыща вариантов.

– Супер, – сказал Савельев. – Плазма-херазма, кондишен-шмондишен, прогресс науки, ура. А что там снаружи на самом деле?

– На самом деле райончик хероватый, – потупился Мишин. – Как, впрочем, все районы нашего городка. Старик, теперь нет ни «старого центра», ни «золотой мили», ни «пешеходных улиц». В принципе нет. Нигде и никогда. С этим надо смириться. Твой дом, например, смотрит на речной порт, вот, любуйся.

Он выключил изображение, нажал на ручку и открыл окно.

Квартира была на десятом этаже.

Видно было, как внизу остановился товарный состав, старый и обшарпанный. У причала стояла баржа. Над ней навис кран с четырехпалой хваталкой, которой обычно перегружают металлолом. Стрела крана нырнула в трюм и тут же поднялась, подхватив целую жменю голых живых людей. Кран повернулся и ссыпал их в вагон без крыши, так называемый «думпкар». Двое упали на платформу. Подбежали собаки и стали их грызть. Тут же прибежали люди в форме с дубинками, отогнали собак. Один человек поднялся и сам поковылял к вагону. Второй остался лежать, Савельев видел, как под ним расплывается лужица крови: видно, собаки порвали ему горло или живот. Люди с дубинками стояли, кажется, в растерянности. Потом прибежали еще двое, с носилками. Раненого – или убитого? – уложили и унесли. Собаки стали вылизывать кровь. Меж тем кран еще раз забрался в трюм и перегрузил в думпкар еще одну жменю голяков.

– Что это? – спросил Савельев.

– Белковая пища, – пояснил Мишин. – Цивилизованный мир давно отказался от мяса животных. По этическим соображениям. Более того. Выращивать лабораторное мясо из клеток животных тоже признано этически неприемлемым. Ведь животные не могут дать согласие на использование своих клеток! Значит, это насилие. Но природные белки все-таки необходимы.

– А эти, значит, согласны? – Савельев посмотрел вниз.

– Разумеется, – сказал Мишин. – Они дали информированное согласие. Обладая свободой воли, высоким интеллектом и правом принимать решения. Кроме того, это не бесплатно, разумеется. Их родственники получают компенсацию.

– А они что, из нецивилизованного мира? – спросил Савельев.

– Как не стыдно! Уже давно нет таких непристойных, замшелых понятий. Весь мир уже давно одинаково цивилизован!

– То есть любой может продать себя на мясо?

– Несомненно. Но некоторых не покупают. Не все особи, а тем более не все подвиды и генотипы, одинаково полезны! – захохотал Мишин, подмигивая и тыча Савельева жестким пальцем в живот.

Савельев неуверенно усмехнулся в ответ.

– Точно?

– Точно, – сказал Мишин. – Нас с тобой не купят. Не бойся.

– Спасибо, – сказал Савельев, взял с тумбочки длинную пилку для ногтей и загнал своему другу под ложечку.

Рукой держал его за лицо, чтоб не орал.

Потом отбросил его на пол и стал звать Ленку.

Она не отзывалась.

За окном раздался лязг. Железнодорожный состав чуть подвинулся, и кран стал загружать голыми людьми следующий вагон.

Савельев выбросил Мишина в окно, закрыл окно и пощелкал пультом. Выбрал город, очень похожий на Ригу: красивые дома стиля модерн и вдали церковь. Кажется, святой Гертруды.

Посмотрел на часы. Было уже 27:11.

Потом лег в постель и стал дожидаться неизвестно чего.

Лес

рассказ моего приятеля

Лес, боже ты мой!

Наш лес! Чистый, просторный, небольшой, но бесконечный.

Небольшой потому, что с ближней стороны ограничен оврагом, над которым – заборы последнего ряда домов нашего поселка, а с дальней стороны – полем, где растет какой-то бестолковый овес; среди него посеяна вика, она перепутывает стебельки и колоски своими тонкими зелеными усиками.

Слева лес обрезан широкой просекой, на которой стоят столбы электролинии. За нею – уже другой лес, как бы не наш, хотя вход в него никому не заказан. Но мы туда почему-то не ходили, разве что специально за грибами. А гулять – нет.

Справа был большой серо-кружевной ельник, частый, только верхушки толстых елей зеленые, а внизу – путаница давно высохших, потерявших хвою веточек, как будто идешь сквозь старый, заношенный оренбургский платок; а дальше – еще правее, спуск к речке, узкой, мелкой, заросшей кувшинками, через которую перекинулись треснувшие от старости ветлы – а на том берегу уже другой, тоже чужой лес, с покинутыми деревянными пионерлагерями и каким-то странным поселочком, словно уснувшим в тридцатых годах: цветные низкие заборчики, георгины и золотые шары под окнами, на окнах выцветшие ситцевые занавески и кружевные бризки, в палисадниках клумбы, обложенные кирпичом, там настурции, ноготки и бархатцы; ходят бабушки с седыми прическами, и бегают дети в просторных коротких штанишках на помочах... Почему-то даже мимо проходить было страшновато.

Но нам хватало нашего леса. Он был хоть и мал, но бесконечен, потому что в нем была неисчислимая глубина тропинок, овражков, кочек, березовых рощиц, ручейков, поваленных стволов, полянок с земляникой, грибных местечек, зарослей орешника, соловьиных кустов над заросшим болотцем.

Там никогда не было страшно, даже ночью. Ночами – светлыми июньскими и черными августовскими – я гулял там. Мы жгли костерок с ребятами. Мы сидели и молчали с девочкой на бревне, и я осторожно клал ей руку на плечо. Мы купались в крохотной заводи маленького ручья.

А днем – выскочить из калитки, пробежать по хрустящей щебенчатой дороге, забежать за девочкой, юной, нежной, прекрасной, загорелой, в цветастом летнем платье, и, взявшись за руки, побежать в лес, через овраг и ручей, туда, где сияют подсвеченные солнцем березы. Долго бродить просто так, находя то гриб, то ягодку, а потом выйти к полю и смотреть, как далеко-далеко виднеются верхушки какого-то дальнего леса. Как это чудесно, как невыразимо прекрасно – в пятнадцать лет ходить со своей девочкой по лесу просто так, так просто гулять, понимаете?

Где мой лес?

Куда вы его девали?

Вместо леса за оврагом – высоченные заборы. Железные, глухие, с кирпичными столбами. За ними едва виднеются тяжелые безвкусные особняки, коттеджи или как их там.

Пиная ногой первую попавшуюся калитку.

Раздается хриплый лай. Пинаю дверь еще раз. Собака лает еще громче, еще злее. Поправляю автомат на животе.

– Кто? – раздается голос.

– Конь в пальто! – отвечаю, отхожу на три шага и стреляю по калитке, по самому замку, из подствольного гранатомета.

Калитка распахивается. Охранник раскрывает рот, не зная, что сказать. Вот ему и пуля в его разинутый рот, умеющий только орать «вход запрещен». Собака убегает. Ей пулю вслед, в лопатку. Падает.

Захожу во двор. Какая гадость! Все в плитке. Стриженные газончики. Искусственный прудик с пошлыми валунами по бокам. Качели, шезлонги, даже бассейн с лесенкой и искусственно-бирюзовой водой.

Иду в дом. Дверь отворяю ногой. Хозяин, толстоватый мужик, сидит в кресле и ничего не понимает. Рядом на диване – хозяйка, фифа лет тридцати.

– Где мой лес? – спрашиваю я.

– Какой лес? – почти хором говорят они.

– Лес, чудесный лес, с ручейками и березками, с овражками и орешником, с земляникой и птичьим щебетом – что вы с ним сделали? – У меня дрожит голос, я готов заплакать. – Зачем вместо него вы устроили эту хамскую, мерзкую, бездарную дрянь? Эти каминьки, эти качели, эти бассейны и барбекю? – Я даю очередь, не целясь, по идиотски дорогой хрустальной люстре, по мраморному камину с позолоченными часами, по бездарным картинам на стенах. – Молчите, свиньи? Ну вот вам! – я стреляю в хозяина.

Хозяйка падает на колени, пытается ползти ко мне по ковру, протягивая руки. Совсем дурочка, что ли? Она хочет меня умолить, разжалобить, выпросить пощады. А не фиг было мой лес поганить, красоточка синеглазенькая! Подыми личико. В глаза смотри. Не моргай. Оп! Получи в левый. А? Нравится? То-то.

Я свищу в два пальца.

За окнами рокочут бульдозеры. Своими тяжелыми стальными ножами-отвалами они уже сломали кирпичные столбы забора.

Я иду дальше.

Проходит полдня – и готово. Все дома сломаны, хозяева застрелены и погребены под обломками кирпича и бетона. Бульдозеры в медленной слоновьей пляске кружатся на вершине этой невысокой горы, вминая ее в жидкий болотистый грунт. Вот и всё. Пустое пространство. Ни бугорка, ни воспоминания.

Приезжают грузовики. Рабочие вытаскивают дерн и деревья, кусты, пучки высокой и плотной лесной травы. К вечеру на этом месте снова шумит лес.

Я возвращаюсь домой. Прохожу мимо дома девочки.

– Давай завтра утром пойдем в лес? – кричу я через забор.

– Давай! – весело отвечает она с крыльца.

Лузерка в недалеком будущем

Рома и Коля сидели в баре модного московского фитнес-центра «Марабу». Они только что покачались на тренажерах, поплавали в бассейне, сделали массаж, приняли душ, и вот теперь, удобно устроившись в креслах, пили легкий декофеинированный латте на кокосовом молоке и ждали своего друга Васю, который почему-то опаздывал.

Рома и Коля были счастливы в семейной жизни. Ромина жена была вице-президентка компании «МосМетроПасс», а Колина – директорка ИТЭК, Института трансазиатских энергетических коммуникаций. Они очень хорошо зарабатывали и полностью обеспечивали своих мужей и детей. В семье Ромы был всего один ребенок, палестинской национальности, а у Коли целых трое, усыновленных из Филиппин. Рожать детей уже лет пятнадцать стало совсем не модно, да и понятно почему. Но иметь детей было обязательно, поэтому их усыновляли из бедных стран.

У Васи детей было двое, оба креолы из Эквадора, кровные братья, славные ребята, один школьник, другой на первом курсе. Хорошие, но сильно закомплексованные. Ясное дело – Васина жена была обыкновенная менеджерка в какой-то зачуханной торговой фирме, с очень скромной зарплатой и средненькой квартиркой. Даже непонятно, как она смогла уговорить в мужа такого красавца и умника, как Вася. Да еще и двоих детей завести. И вот теперь ребята были травмированы из-за того, что у них всегда устаревшие гаджеты и в ноябре – футболки октябрьской коллекции, а то и сентябрьской, вообще позор.

Поскольку Вася опаздывал, Рома и Коля как раз обсуждали вот этот вопрос. Они знали, что Васе не по карману абонемент в «Марабу». Хотели помочь ему деньгами, но боялись оскорбить его гордость. Что они могли для него сделать? Заказывать ему кофе, обманывая, что это комплимент от кафе?

– Надо с ним серьезно поговорить, – сказал Коля. – Вот так, искренне и по-дружески. Сказать, что он должен уходить от этой лузерки.

– Да, – кивнул Рома. – Тут мы переодевались, я глянул на его трусы и майку, стыдно смотреть. Вообще баба, которая не может обеспечить мужика, – это не баба!

– Лузерка, я же говорю! – сказал Коля как припечатал.

– Тс-с-с! – шепнул Рома. – Он идет!

Вася подошел к друзьям, они коротко обнялись.

Он стал сбивчиво объяснять, что младший парень в школе посеял планшет, пришлось ехать, помогать искать – вот поэтому он и опоздал. Вася говорил, опустив голову, а то и слегка отвернувшись.

– Так! – строго сказал Коля и резко взял его за подбородок, повернул к себе. – А вот это, вот это – что?

Под глазом у Васи расплывался небольшой, но вполне однозначный синяк.

Вася отвернулся и пробормотал:

– Да утром встал в туалет, кругом темно, я и треснулся об угол шкафа в коридоре. Ребят, я пойду сплываю, а вы меня не ждите...

Он быстро ушел.

– Вот ведь горе какое! – всплеснул руками Рома.

– Лузерки, они такие, – сказал Коля. – Вымещают свои проблемы на тех, кто не может дать сдачи! Бежать ему надо, бежать! Детей в охапку, и ноги!

– Ага, – вздохнул Рома. – Ноги! Легко сказать. А куда? На улицу?

– погоди, – задумался Коля. – Я всё Маше расскажу. Прямо сегодня вечером. Попрошу, она даст денег, чтоб ему снять квартиру на первое время... Обязательно даст. Она понимает. Она мне сама говорила, что от лузерок надо спасаться, пока цел. Я прямо разволновался. Друг на глазах погибает! Возьму еще двойной эспрессо!

– Говорят, портит кожу лица, – задумчиво предостерег Рома.

– Плевать! Что я, не мужик? – и Коля махнул рукой бармену.

При чем тут дети?

бочонок, кажется, амонтильядо

– Почему я должен заботиться о чужих детях? – произнес мой собеседник даже с некоторой презрительной брезгливостью на лице.

Нет, разговор шел отнюдь не о том, что он женился на женщине с детьми и теперь не хочет их кормить-поить-одевать.

Разговор шел совсем о другом. О том, что ему наконец, после стольких лет выжидания, представился случай «нанести ответный удар». Проще говоря, отомстить человеку, который несколько лет назад его даже не то чтобы подвел – опрокинул просто. Я помню эту маленькую катастрофу; ему тогда было очень тяжело.

И вот час настал. Он может сделать так, что его врага выгонят с работы, а на другую вряд ли примут. Во всяком случае, в обозримом будущем.

– Я уже решил. Завтра дам указание, – улыбнулся он. – А послезавтра он полетит вверх тормашками.

Вспомнилось, что «мечь – это блюдо, которое нужно есть холодным».

Впрочем, ни о чем особо страшном речь не шла. Просто человека выгонят с очень теплого, денежного и престижного места и не скоро возьмут на такое же. Наверное, у него возникнут трудности с ипотекой, *if any*. С оплатой дорогой частной школы для детей. С летним отдыхом, с обновлениями и даже, возможно, с вкусной и недешевой едой, которую они привыкли есть. В общем, его дети вдруг очутятся в семье с материальными проблемами.

Вот это меня, человека сентиментального, чуточку смутило.

– Но его дети-то ни в чем не виноваты! – сказал я и объяснил, что я имею в виду.

Он возмутился и сказал вот ту самую фразу:

– Почему я должен заботиться о чужих детях?

Помолчал и добавил:

– Я читал твой роман «Дело принципа». Длинновато, прости меня, как-то вязко, но там был один важный момент. Там у тебя злой дедушка сжег бандитскую деревню – целиком. Вырезал и сжег. Внучка спрашивает: «Вместе с малыми детьми?» Дедушка отвечает: «Они сами приговорили своих детей». Вот так. Понял?

– Значит, это я тебя подучил? – сказал я.

– Да прекрати. Я шучу. Но если серьезно: что за манеры от своей подлости заслоняться своими же детьми? Женился на красотке, наплодил пупсиков, – мой собеседник распалялся всё сильнее, – наряжает их в красивые шмоточки, возит их на машине в дорогую школу, а я теперь не могу его с работы выгнать? Потому что его пупсикам станет не так комфортно жить? Бред какой-то!

– Ты ему просто мстишь, – сказал я.

– Да, разумеется! – ясно улыбнулся мой собеседник. – Мечь является важнейшим социальным регулятором.

* * *

Верно. Мечь, повторяю вслед за своим приятелем, – это важнейший социальный инструмент. Жесткая сдержка и необходимый противовес для всех жрецов «ничем не стеснённой свободы поступка».

Но я не спросил своего собеседника о главном. Не задал вопроса, который беспокоил героя знаменитой новеллы Эдгара По.

Тот, кому адресована месть, тот, который завтра полетит со своего денежного и престижного местечка вверх тормашками, а через три месяца будет отчаянно и безуспешно добывать деньги на поддержание прежнего уровня жизни, – он будет знать, за что ему такое несчастье? Он будет понимать, что это ему в ответ на предательство-вредительство двадцатилетней давности? Или будет просто клясть судьбу и искать интриганов среди сослуживцев? Еще найдет, чего доброго!

Мне кажется, что должен знать. Иначе это не месть, а незнамо что. Просто мелкая (ну, или крупная) гадость.

Вот вам рассказ другого моего приятеля.

Чтоб не путаться в косвенной речи – от первого лица.

* * *

«Один человек увел у меня женщину. Жену, хотя мы не были повенчаны-расписаны. Но мы жили вместе уже года полтора, и все это знали, и приходили к нам в гости, и называли нас во множественном числе: пойдёте к таким-то. То есть воспринимали нас как семью.

И вот тут появился он. Мы жили скромно, а он был гораздо богаче нас. Мы были самые обычные люди, а он в свои тридцать был уже весьма известен. Кроме того, он был красив, говорлив, весел, умел производить впечатление. Его к нам привел один мой друг – наверное, чтобы похвастаться своими блестящими знакомствами.

Он сразу, я это заметил, положил глаз на мою жену. Она была не то чтобы очень красива, но мила, молода, изящна. Ах, дружок, в двадцать шесть мы все такие. Но я не придал его легкому ухажерству никакого значения. Наверное, напрасно.

Потом – как я позже выяснил – он стал ей звонить, добиваться встреч. Она была хорошая женщина, но слабая, наверное. Она не смогла устоять перед этим напором галантности, букетов-ресторанов, перед этой дверцей в красивую жизнь, которую он перед ней приоткрыл. Короче говоря, он ее соблазнил, она ему поддалась, а я, когда узнал обо всем, сказал ей, что она свободна.

Она радостно убежала – так радостно, что я боялся, не закружится ли у нее голова, не споткнется ли она, когда будет бежать к нему, – но через неделю, конечно же, он ее бросил, и она пришла назад. Ко мне.

– Что тебе здесь нужно? – спросил я ее в прихожей (она открыла дверь своим ключом).

– Я пришла домой, – тихо и, казалось, сухо сказала она.

– А, вот оно что... – сказал я. – Ты уверена, что не ошиблась дверью?

Она заплакала и попросила прощения. Сказала что-то насчет беса, который попутал. Слава богу, она не назвала его подлецом. Этого бы я не выдержал.

Да, я ее обнял и поцеловал, и мы даже легли в постель, и, кажется, у нас что-то получилось. Но с трудом. Этот случай был, даже не знаю, как дохлая жаба в очаровательном дачном пруду. Ну представь себе: такой чистенький прудик с прозрачной водой, по бокам цветочки, рядом скамеечка, кирпичная дорожка, чудный мещанский уют, хочется сидеть на скамейке с милой девушкой и шептать ей о любви – а посередине этого пруда плавает громадная дохлая раздувшаяся почерневшая вонючая жаба...

Так что мы все-таки расстались. Не смогли перешагнуть.

Вот. Шли, как ты понимаешь, годы. Смеркалось. Я слеживал за этим человеком. Он красиво старел, он процветал, он женился на красавице на восемнадцать лет моложе, она родила ему ребенка, потом еще одного, вот ему уже пятьдесят, а ей всего тридцать два, красивая пара, счастливая семья...

И вот тут, как в пьесе Лермонтова “Маскарад”, из-за кулис появляется плюгавый лысеющий мститель.

Я решил отомстить ему в точности тем же оружием, каким он изломал мое счастье.

У меня были свободные деньги. Не очень много, но два миллиона рублей я на это дело решил потратить. Этого оказалось даже много. Мне честно вернули триста тысяч сдачи.

Я нанял людей, а они наняли актера, ее ровесника. Одели его как надо, придали нужный лоск, усадили его в “БМВ” с откидным верхом – было лето. Он познакомился с ней на каком-то вернисаже, стал красиво и очень настойчиво ухаживать. Он молод и прекрасен. Муж (не такой уж молодой) в командировке, дети с няней, а у кавалера квартира-студия на Пречистенке... Потом предложил ей тайком смотаться в Лондон на сутки, потом в Испанию на пару дней, бизнес-классом, конечно!

Она тоже оказалась слабой женщиной.

Тем более что у этого парня помимо актерских дарований был потрясающий секс. Оглобля – всем на зависть и несомненный талант доводить женщину до полного умопомрачения.

Спросишь, откуда я знаю про его оглоблю и ее оргазмы?

Видео, дружочек! Мне передали видео всех их уличных и ресторанных встреч, а также камерных забав – такова, собственно, и была заказанная мною услуга. Я отобрал лучшее и поручил переслать моему, так сказать, контрагенту.

Результат превзошел все ожидания. Мало того что они развелись. Бедняга искренне страдал. Его, такого умного, доброго, светлого, заботливого, да и престижного к тому же, пошлейшим образом предали ради молодого кобеля на “БМВ”-кабриолете и вот с таким хером! Есть от чего в отчаяние прийти.

Он впал в депрессию, а потом попытался совершить *Роскомнадзор*, так сказать. Его откачали. Но он хорошо траванулся. Так что откачивать долго пришлось.

И вот тут я пришел к нему в уютную отдельную палату клиники имени Соловьева, где он лежал, слегка одуревший от препаратов.

– Прости, что я на “ты”, – сказал я и напомнил ему все обстоятельства нашего знакомства.

– И что теперь? – спросил он.

– Да ничего. Только знай, что вот всё это тебе – от меня за Танечку.

– Что «это»? – казалось, он не совсем понял.

– Вот это самое, – я достал айфон и показал ему видео.

Он заплакал.

– Ну, пока, – сказал я, встал и повернулся идти.

– погоди, – сказал он. – Присядь. На секунду.

– Что тебе? – Я сел на табурет.

– Но вот теперь, – сказал он, – теперь ты меня прощаешь?

Я почувствовал, что да. Что теперь прощаю. Ни капли не раскаиваюсь в том, что сделал, но прощаю совсем, окончательно.

– Да! – сказал я.

Встал и ушел.

Потом я узнал, что он выздоровел, пришел в себя и, кажется, помирился со своей изменницей-женой. “Ради детей”, – как говорили общие знакомые.

А я, узнав про это, решил разыскать Танечку. Но увы. Куда-то она совсем пропала. Ну, это и хорошо. Иначе история была бы слишком завершенной...»

* * *

Вот такая история.

И чуточку о себе.

Однажды я не отомстил одному скверному человеку именно из этих соображений. Из соображений «*бочонка амонтильядо*». Просто попросить ребят набить ему морду в подъезде, не сообщая причин, – казалось мне глупым и бессмысленным. Мало ли кто кому бьет морду из хулиганских побуждений, особенно в Москве 1980-х. А сообщить причины – значит, зная его характер, начинать с ним длинную серию взаимных «мстей». Я к этому тогда не был готов.

О чем сегодня искренне сожалею. Но увы.

Деньги. Жестокий роман по мотивам комментария в чужой ленте

Один человек полюбил одну девушку, и она его тоже. Он был довольно богат. Даже, можно сказать, весьма богат. А она была очень красива, изящна, мила. Казалось, что у них намечается что-то серьезное.

Однажды девушка собралась по своим делам на несколько дней за границу, а он дал ей банковскую карточку с какими-то щедрыми словами. Вроде «ни в чем себе не отказывай». Ну и, конечно, заплатил за гостиницу и за билеты туда-обратно.

Вот она добралась до места, до гостиницы, позвонила ему, что все в порядке, и минут через пять на его телефоне пискнула эсэмэска – сняты 300 евро. «Понятно, – подумал он. – Приехала, ей нужны наличные». Но ровно через четыре часа новая эсэмэска – еще 300 евро. Через четыре часа – еще. Что за черт? Он позвонил в банк, и ему объяснили, что у этой карточки – вот такое ограничение: в иностранном банкомате можно снять не более 300 евро за четыре часа. Уж не знаю, зачем и почему, но вот такой факт. Такая фиша, или такой баг. В общем, такая жизнь. Но зато платить в ресторане и магазине можно безо всякого.

Ну и дальше понеслась. Каждые четыре часа с его карточки в банкомате снимались по 300 евро. При этом девушка ходила в рестораны и кое-что себе покупала. Не особенно разгуливалась, надо сказать правду. Но каждые четыре часа, днем и ночью, методично снимала в банкомате означенную сумму. То есть в сутки она могла снять 1800, что и предельвала.

Этот человек рассказал своему приятелю, что происходит. Показал ряды эсэмэсок. «Заблокируй карту, и дело с концом!» – сказал приятель. «Нет, – улыбнулся этот человек. – Мне все-таки интересно, чем дело кончится».

Дело кончилось тем, что она приехала, даже привезла ему в подарок красивый и дорогой галстук, и вернула карту, и поблагодарила за прекрасные четыре дня в прекрасной гостинице в прекрасном европейском городе.

Они поцеловались. Был вечер, они были одни, и, казалось бы... Но он все-таки спросил:

– Зачем ты все время снимала деньги?

– Мне было надо, – сказала он. – А ты что, следил?

– Ты прямо как маленькая! – удивился он. – У меня все карты привязаны к телефону.

– Понятно, – сказала она.

– Мне тоже понятно, – сказал он.

Она почувствовала его неодобрение и возразила:

– Но ты же сказал, что на это время карта в *моем полном распоряжении*, так? Чтоб я *ни в чем себе не отказывала!* Так или не так? Нет, ты скажи! Так?

– Ну вот ты и распорядилась, – спокойно и негромко сказал он. – У тебя, то есть у нас с тобой, могла быть квартира в Берлине и домик на море в Италии. Да и черт с ним, с домиком. У тебя могла бы быть красивая, веселая жизнь в окружении интересных людей. Да и черт с ними, с интересными людьми! У нас с тобой могла быть семья. Но ты распорядилась иначе. Вместо всего этого ты получила... сколько там? Семь тысяч евро с хвостиком, – он хмыкнул. – Ну и ладно. Тоже деньги, да.

Он попытался улыбнуться, хотя ему было очень тяжело все это говорить.

– Я так и знала! – сказала она. – Я так и знала...

У нее дрогнул голос. Казалось, она сейчас заплачет.

Ему вдруг захотелось ее обнять, поцеловать в макушку, сказать, что он пошутил, что чепуха-ерунда-чушь-забудь. Но он сдержался.

Достал из шкафа бутылку хорошего вина, поставил на столик бокалы. Вытащил пробку.

– Давай выпьем, – сказал он. Налил себе и ей.

– Что так мало? – спросила она, потому что он налил треть бокала, как полагается.

– Извини, – сказал он. – Налей себе сама, сколько тебе нравится.

Она налила почти доверху.

Выпила залпом. Взяла конфету.

Господи, почему он раньше этого не замечал – что она пьет как не пойми кто? Ах, да. Раньше они пили вино в ресторане, там наливал официант. Третью бокала, как положено, чтоб ощутить аромат. Да, раза три они пили вино дома, у него дома – он разливал. Настроение было хорошее, спокойное. А тут она волнуется.

– Раз пошла такая пьянка, – сказал он. – Тогда скажи мне, ты что, ночью вставала и бегала в банкомат? В лобби? Два раза? В час ночи и в пять утра?

– Да, – сказала она. – Я ставила будильник. На айфоне.

– Молодец, – сказал он. – Наливай, не стесняйся!

Она налила себе еще один почти полный бокал и мстительно сказала:

– А я не сама бегала, понял?

– Понял, – сказал он. – Но я уж не буду тебя расспрашивать.

– А и не надо! – сказала она и выпила. – Тем более ты все понял. Ты понял?

Он отхлебнул вина и сказал:

– Ну что ж, удачная поездка. Во всех смыслах. Поздравляю.

– Да иди ты! – она махнула рукой. – Мне надо было *завершить с ним отношения*. А он полное говно оказался. Что я ему поручала ночью и утром рано снимать, он к себе складывал, говорил «потом, как приедем, отдам». В общем, слямзил. Две штуки спер, сука. Спасибо, карточку отдал. Все вы, мужики, говно...

– О, да! – захохотал он. – За карточку, конечно, спасибо!

Она все-таки заплакала, уронив голову.

Он посмотрел, как красиво вздрагивают ее красивые плечи, и подумал что-то умное и гуманное о «базовом доверии», которого у нее нет и никогда не было; о «недолюбленности», то есть о нежных материнских объятиях, которых ей не досталось; о бедном детстве в маленьком городке; о неодолимом желании схватить все, что съедобно, отгрызть кусок, убежать в уголок и там съесть, давась. Что это на самом деле хуже болезни. Это не порок, а горе и беда. Тут надо не насмехаться, не бросать, а помогать. Любить, ласкать, укреплять в ней все хорошее и доброе.

Ему снова на секунду захотелось обнять ее, утешить. Может быть, даже извиниться и посвятить свою жизнь ей. Воспитанию ее чувств. Она ведь такая красивая. Осторожно и аккуратно счищать с нее эту ужасную коросту бесстыжей вороватой хищности.

Но только на миг.

Она, наверное, почувствовала эту его мысль, потому что взглянула на него исподлобья, взглядом просительным и жалким, вроде бы любящим и виноватым, но вместе с тем цепким и очень внимательным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.